

Роман Грибанов

ДЕСАНТ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Роман Грибанов

Десант местного значения

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Грибанов Р. Б.

Десант местного значения / Р. Б. Грибанов — «Издательство АСТ», 2023 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156905-1

Карибский кризис перерос в Третью мировую войну. Противостоящие стороны уже не соблюдают никаких правил и законов. Кто победит, тот и прав, вот главный девиз. На Камчатке флот и морская пехота США высаживают десант. Высадка десанта преследует две цели. Первостепенная - это захват плацдарма, с которого можно атаковать другие территории СССР: Сахалин, Приморье и Восточную Сибирь. И вторая это захват огромного куска территории, не загрязненного радиоактивными осадками. А территорию эту обороняют ну совсем незначительные силы русских - так кажется американским адмиралам и генералам. Правда, у русских есть другое мнение, но кого это интересует?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156905-1

© Грибанов Р. Б., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Роман Грибанов

Цена ошибки

Десант местного значения

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 249

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Роман Грибанов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1

Ожидание

01 ноября, местное время 17:30. Камчатка. Учебный корпус мотострелкового полка, три километра к югу от поселка Мильково

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся, – срывающимся и хриплым от волнения голосом проговорил Сергей.

Карабин СКС, с которым он проходил присягу, казался тяжелым и неудобным во вспотевших от неожиданного волнения ладонях. Он, встав на одно колено, нагнулся, чтобы поцеловать тяжелое красное полотнище знамени с поблекшими золотыми буквами «65-й отдельный батальон связи». Выпрямившись, он на негнувшихся от волнения ногах встал в куций строй, состоявший из пары десятков таких же молодых, как он, пацанов и девчонок. На смену ему, взяв у него из рук красную картонку с текстом, вышел Сашка, неловко перехватив карабин перевязанной рукой. Все происходило донельзя буднично, в столовой учебки, где были просто сдвинуты к стенам столы. Из зрителей были только несколько офицеров, дневальный и повара. И в то же время Сергей ощутил, как у него в душе что-то сдвинулось.

Когда все закончилось, к нему подошел капитан.

– Поздравляю, ребята. И готовьтесь к маршу, по приказу командира полка из состава учебной роты сформирован пулеметный взвод, который я должен отправить с батальоном связи на юг.

«Взвод... – с какой-то непонятной тоской подумал капитан. – Один грузовик и два ДШК, одиннадцать человек, из них только трое кадровых, остальные сопливые пацаны».

Через час Серега вел «газон» в составе куцей колонны батальона связи. В тесной кабине еще сидели Сашка и знакомый с утра лейтенант, который и оказался командиром новоиспеченного взвода. А в кузове на лавках вдоль бортов мерз остальной состав взвода, восемь человек, из которых по-настоящему военными были только два сержанта, а остальные – такие же знакомые ребята, с которыми еще вчера дрались или вместе ловили рыбу. Остальное пространство занимали пулемет, установленный на треноге прямо в кузове, еще один ДШК в сложенном виде и пара десятков ящиков, в основном с патронами. Погода, днем вроде бы солнечная, быстро портилась. В наступивших уже сумерках Сергей еле различал тусклые, в свете узких «военных» фар, катафоты шедшего впереди ЗиС-150. Хорошо, хоть скорость колонна держала тридцать километров в час, иначе бы он точно слетел с дороги на каком-нибудь повороте или въехал в идущий перед ним грузовик, – видимость была отвратительной. Повалил обильный мокрый снег с дождем, Сергей обернулся в тыльное стекло кабины и невольно поежился. Пар-

ням в кузове еще хуже. Он порадовался за свою с Сашкой предусмотрительность, они смогли отыскать тент, хоть старый и с дырками, и дуги к нему. И выцарапать это все у кладовщика. И сейчас у людей в кузове хоть какая-то защита.

Еще через три часа его сменил Сашка. Колонна проехала всего шестнадцать километров, но какие это были километры! Три притока реки Камчатки и саму Камчатку пришлось форсировать вброд, сворачивая с дороги по уже размеченным саперами объездным путям. Если через речки, Первую и Вторую, Серега как-то сумел перебраться своим ходом, отчаянно буксуя по обледеневшим камням, то через более крупную и быструю Андриановку и саму Камчатку перебраться вброд на заднеприводном ГАЗ-51 мог, наверное, только очень опытный водитель. В составе батальона была пара полноприводных ЗиЛ-157, и они сыграли роль импровизированных тягачей при переправе. Цепляя на жесткой сцепке сразу по паре остальных грузовиков, они перетаскивали колонну через эти две полноводные реки. Связку из трех машин не сносило быстрым течением, да и водители страховали друг друга, когда одна из машин начинала буксовать или глохнуть. Но к тому моменту, как батальон оказался на левом берегу Камчатки, Сергей уже вымок от пота до трусов. Лейтенант посмотрел на его осунувшееся лицо и посадил за руль Сашку, благо, что дальше по дороге почти сто километров рек уже не было. Серега смутно помнил, как втиснулся на Сашкино место, узкий кусок сиденья между лейтенантом и ручкой коробки скоростей, и провалился в сон.

01 ноября, местное время 19:30. Камчатка. Трасса Елизово – Сокоч

Теплый тропический воздух, несущий запахи моря, приятно освежал обнаженные разгоряченные тела, смешиваясь с терпкими ароматами женских дорогих духов. Джон всем своим существом ощущал, как под ним, изнывая от желания, извивается женское тело. Слегка хриплый от сумасшедшего желания голос Мари сумбурно шептал ему на ухо: «Ох, Джонни, давай, не тяни. Возьми меня, быстрее! Да, да, да!» Одновременно он ощущал, как ласковые губы его женщины целуют его ухо, в кратких перерывах между безумным шепотом. Джон вошел в зовущее красивое женское тело, стараясь всем естеством слиться с такой желанной подругой. Вот Мари снова взяла губами его ухо, целуя его, одновременно охватывая его тело руками и ногами.

Но почему она так сильно тянет губами его ухо, она же сейчас его оторвет? В голове Джона словно взорвалась бомба, так сильно и внезапно накатилась боль. И одновременно с этим, словно сдернули какие-то фантастические декорации, в мозг Джона хлынула новая информация от всех его органов чувств, напрочь смывая все прежние, такие приятные ощущения. Теплый воздух сменился леденящим пронизывающим ветром, вдобавок пахнувшим гарью и кровью. Куда-то в одну секунду подевалась податливая женщина, лежащая под ним на шикарной мягкой постели, вместо этого Джон ощутил, что пытается ласкать и обнимать твердые, местами обледенелые, шершавые доски, вдобавок отвратительно воняющие целым адским букетом запахов, от тухлой рыбы до машинного масла. Очень сильно болела голова. Вдобавок ласковые губы его Мари превратились в грязные заскорузлые толстые пальцы, которые тянули его голову вверх. И наконец он услышал слова, окончательно выдернувшие его из мира приятных грез в существующую реальность:

– Янки, не надо трахать мой грузовик!..

Окончание фразы на русском языке потонуло в грубом хохоте, перемешанном с комментариями на том же языке. Джон поднял голову, огляделся и застонал от отчаяния. Оказывается, он лежал ничком в кузове потрепанного грузовика, на щербатых от частого использования и грязных досках. За ухо его дернул человек в замасленной солдатской телогрейке. Еще в кузове, ближе к заднему борту, стояли три солдата в советской форме и с карабинами, а рядом с ним, скорчившись, сидели два человека в грязных и оборванных американских летных комбинезонах. Джон все вспомнил. Последний вылет, последний заход на цель, взрыв ракеты, катапуль-

тирование. Озеро, уже покрытое тонким льдом, в которое он угодил. Свою отчаянную борьбу за жизнь с ледяной водой этого озера и русских, к которым он в итоге попал. Удар прикладом карабина по голове, когда он потянулся за пистолетом. Он в плену. Его невеселые мысли оборвал мрачный голос одного из солдат:

– Давай руки ему свяжем!

С этими словами бойцы сноровисто связали ему руки сзади и потом посадили Джона рядом с такими же, как он, бедолагами. Конвоиры расселись на лавках, водитель в телогрейке, перепрыгнув через борт, полез в кабину. Подошедший офицер спросил у одного из солдат, показав на Маккейна:

– Вижу, он очнулся. Связали?

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Тогда езжайте, вам надо проскочить до Усть-Большерецка, пока темно и непогода. Янки уже начали за каждой машиной на дорогах гоняться.

29 октября, местное время 22:30. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Безымянная, две мили от береговой линии. Атомная подводная лодка US NAVY SSN-575 «Сивульф»

– Готовы?

Боцман подлодки еще раз посмотрел на трех человек, затянутых в облегающие костюмы с аквалангами за спиной. У их ног лежали герметичные тюки, в которых было все, без чего человек не может существовать в холодной и враждебной местности. Одежда, провиант, оружие, средства связи. Рядом, на рельсах загрузки в торпедный аппарат, уже лежал транспортировщик, по сути дела, представляющий обыкновенную торпеду, только без боевой части и с уменьшенной скоростью хода. В руках они держали только короткие гарпунные ружья, чтобы не быть уж совсем безоружными в те минуты, когда они, под покровом ночи, будут выходить из приюта во вражеской бухте.

Средний человек, старший из этой троицы, молча кивнул.

– Ну, тогда до встречи, парни, и помогай вам Бог! С этими словами боцман отдал команду торпедисту, и тот открыл крышку торпедного аппарата. Старший группы диверсантов ловко, вытянув ружье перед собой, втиснулся в длинную трубу аппарата. Два матроса тут же подскочили к нему, запихивая его мешок вслед за ним в трубу, затем сноровисто задраивая за ним герметичный люк. Дождавшись от человека, лежавшего в темной железной кишке, условного стука, торпедист открыл наружную крышку. Некоторое время ничего не было слышно, это было понятно. Диверсанту требовалось в кромешной тьме время, чтобы выбраться из узкой трубы наружу, в ледяную воду. «Надо быть дьявольски храбрым человеком, чтобы добровольно идти на такие вещи...» – подумал боцман, внутренне поежившись. Но вот, наконец, по корпусу лодки прозвучал тихий, сдвоенный стук. Это означало, что первый «морской котик» выбрался со всей своей амуницией, освободив торпедный аппарат. Торпедист тотчас же закрыл наружную крышку, открывая вентили системы клапанов продувки сжатым воздухом воды из пустой трубы. Дождавшись, когда по показаниям индикатора воды в трубе не останется, он открыл внутреннюю крышку. Сжатый воздух зашипел, обдав всех стоящих в отсеке людей холодным соленым ветром. Боцман повернулся ко второму «котику», но тот уже лез в трубу. И все повторилось, и вот уже третий диверсант покидает теплый и освещенный отсек «Сивульфа». В последнюю очередь торпедисты закатали в торпедный аппарат транспортировщик. Наконец по корпусу лодки прозвучал последний сигнал – три коротких стука подряд. Это означало, что «котики» уже вытянули транспортировщик за носовую скобу из аппарата, повесили на него весь свой груз и готовы уходить. Боцман отдал команду, торпедисты стали закрывать крышку, начиная готовить обычную торпеду к загрузке в этот аппарат. Когда твоя лодка лежит в дрейфе,

чуть подрабатывая рулями и винтом, в двух милях от вражеского берега, лучше, чтобы все «копья» были в полной готовности. Боцман снял трубку внутренней связи с командиром лодки:

– Сэр, высадка закончена, все прошло успешно.

И «Сивульф», тихо стронувшись с места, не спеша ушел на восток, растворившись в морской глубине. Капитан, услышав доклад боцмана, облегченно вздохнул. Слава богу, они больше не дергают русского медведя за хвост, торча у вражеского берега на мелководье, как какой-то ненормальный кит, который решает, выброситься ему на берег, сведя счеты с жизнью, или еще немного подождать. Подводная лодка, прижатая к берегу на мелководье во время войны, – это легкая мишень для противолодочных сил врага. А если учесть, что этот берег вражеский, да еще находится неподалеку от главной базы флота противника в здешних местах, это вообще из ряда вон выходящий случай. И если бы не прямой приказ, пришедший с самого верха, командир «Сивульфа» не согласился бы на такой риск. Ведь мало того, что лодка торчала у бухты Безымянной без хода почти час, она при этом шумела, несколько раз продувая свой торпедный аппарат.

«А все потому, что "Сивульф" изначально был построен необычной лодкой...» – мрачно подумал капитан.

Атомная многоцелевая подводная лодка USS «Seawolf» SSN-575 была построена второй после первенца американского атомного флота, субмарины «Наутилус». И по проекту от нее ничем не отличалась, за одним исключением. Реактор. Двигательная установка «Сивульфа» несла наименование S2G и работала на жидком натрии в качестве теплоносителя первого контура. Экспериментальный реактор показал свой капризный нрав еще во время испытаний. Термические напряжения в трубах, по которым подавался пар на парогенераторы, и коррозионное воздействие натрия на сталь привели к образованию трещин в трубных досках пароперегревателя и испарителя. В результате пришлось отключить пароперегреватель, за счет этого мощность энергетической установки снизилась на двадцать процентов. В итоге на испытаниях подводная лодка развила скорость хода ниже расчетной. Потом была авария с человеческими жертвами, произошла утечка радиоактивного натрия. В итоге был сделан вывод о неприменимости такого типа реакторов на флоте, а в декабре 1958 года жидкометаллический реактор был удален и заменен водо-водяным реактором. Тем временем были построены другие, более совершенные лодки, которые и занялись той работой, какой и должна заниматься уважающая себя современная торпедная субмарина. «Сивульф» же «задвинули» в обеспечение специальных операций флота, высаживать и принимать (иногда) подводных диверсантов, «морских котиков» или «тюленей», как называли на флоте головорезов с фирменной татуировкой на предплечье. Хотя в принципе лодка для этого не была как-то особо предназначена. Высадка проводилась через стандартные носовые 533-миллиметровые торпедные аппараты и поэтому, вот как сейчас, занимала много времени. Капитан снова вздохнул. У технического управления флота были в дальнейшем планы по замене «Сивульфа» в обеспечении специальных операций. Ее должна была заменить атомная лодка SSGN-587 «Halibut», еще один экзотический представитель американского атомного подводного флота. Первая, и она же последняя, лодка в несостоявшейся серии ударных лодок с крылатыми ракетами «Регулус».

Заложенная в 1957 году, «Халибат» была спущена в 1959-м, когда у стратегического командования появились другие любимицы: атомные субмарины с баллистическими ракетами «Пола рис», первая из которых, «Джордж Вашингтон», была введена в строй в том же году. Поэтому «Халибат» так и осталась единственной, время от времени выходя на патрулирование, но ее судьба уже была решена.

Как только будет достигнут уровень полной боевой готовности третьей серии ПЛАРБ типа «Лафайет», подлодку «Халибат» выведут из состава стратегических сил на переоборудование. Вместо крылатых ракет, запускаемых из здорового ракетного ангара, в этой зоне лодки установят большую водолазную камеру, что позволит выпускать всю группу боевых

пловцов вместе со своим снаряжением единовременно. А не мучиться с торпедными аппаратами, как на «Сивульфе». И тогда, может быть, «Сивульф» все-таки станет нормальной боевой субмариной, а не «лежбищем для тюленей», как лодку уже называют некоторые флотские остряки.

02 ноября, местное время 03:30. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Безымянная, сорок миль от береговой линии. Десантный вертолетоносец LPH-2 «Iwo Jima»

Первый лейтенант морской пехоты США Эдвин Торчмэн еще раз взгляделся в лица бойцов его команды, уже сидевшей в тесном брюхе «Ретривера». Весь шумный и, на первый взгляд, беспорядочный период срочной подготовки его группы остался позади, и сейчас утекают последние секунды пребывания вертолета на огромной стальной палубе «Иводзимы», время, когда можно что-то еще вспомнить и исправить. Но все, в открытый проем сдвижной двери заглянул майор Кларк, командир дивизионной группы разведки, его начальник.

– Эд, твои парни готовы? – спросил он лейтенанта.

– Да, сэр, – лаконично ответил Торчмэн, стараясь выглядеть как можно спокойней. Он не был зеленым новичком, за его спиной уже многочисленные учения и даже одна боевая операция, высадка в Ливане, четыре года назад. Но все это было не то, подумал лейтенант, вспомнив недавний инструктаж полковника Симмонса, который прилетел на «Иводзима» с авианосной группой адмирала Холлоуэя. Вообще-то задача, которая была поставлена перед его группой, ничем не отличалась от стандартной – предварительная разведка зоны высадки. Она включала в себя целый букет действий: от инженерной разведки и оценки состояния берега, где меньше чем через сутки будет высаживаться основной эшелон десанта, до разведки средств береговой обороны противника и, при необходимости, выдачи целеуказания авиации флота и корпуса для ударов по этим средствам. По данным разведки, в районе высадки у русских была как минимум одна стационарная береговая батарея крупного калибра. Но особенное внимание полковник просил уделить обнаружению береговых подвижных ракетных комплексов SSC-2B «Samlet».

– Наши парни на Кубе вообще проморгали наличие этих чертовых «Лососей»¹. И это привело к полному разгрому второй и четвертой дивизий. Я вас прошу, прочешите окрестную территорию как можно тщательнее. Помните, что эти ракеты имеют дальность около пятидесяти миль, так что район расположения этих мобильных комплексов, опасных для кораблей десанта, весьма ограничен. Мы посылаем, кроме вас, еще четыре группы, и вдобавок в районе высадки несколько дней назад флот высадил свою команду, коды для связи с ними вы уже получили.

И сейчас лейтенант, перед полетом к неизвестному берегу, полному опасностей, немного мандражировал. «Впрочем, какому, к черту, неизвестному?» – внезапно подумал он. Все последние часы, начиная со вчерашнего вечера, когда были уничтожены последние зенитные установки русских, разведывательная авиация корпуса буквально по метру прочесала район предстоящей высадки, выискивая подозрительные места, на которые тут же наводились флотские штурмовики; пара звеньев их постоянно висела в зоне ожидания неподалеку от берега. Этими же разведчиками были определены наиболее подходящие места для высадки с вертолетов разведывательных групп, в том числе и его пятерки. У них есть рация, и в любой момент они могут запросить поддержку с воздуха, если что-то пойдет не так. Так что «Семпер Фи!»², его «дубленые заливки»³, справятся с любой задачей, какой бы трудной она поначалу ни каза-

¹ Samlet – молодой лосось, кодовое наименование НАТО советского берегового противокорабельного ракетного комплекса 4К87 «Сопка».

² Семпер Фи (сокращенно с латинского «Semper Fidelis») – «Всегда верен», девиз US Marines.

³ Leathernecks, дубленые заливки – одно из прозвищ морской пехоты в США.

лось. Тем временем матрос из палубной команды закрыл сдвижную дверь, и вертолет, взревев двигателем, наклонив нос, поднялся в воздух.

02 ноября, местное время 05:35. Камчатка. Запасной КП штаба Камчатской военной флотилии, бункер в четырех километрах на юго-запад от города Елизово

Начальник контрразведки КВФ задумчиво сидел, рассматривая несколько бумаг у себя на столе. Все бумаги были похожи, они несли вверху одинаковый штамп: «216-й батальон радиоразведки и радиоэлектронной борьбы». На всех бумагах имелся текст: «передача длилась меньше 10 секунд, шифром, расшифровка не удалась». И главное, все радиопередачи, по данным группы пеленгации, исходили из одного района, куска побережья возле бухт Большая Саранная и Безымянная, с небольшим приращением. Отличались они только временем, первая датировалась ранним утром 30 октября, и дальше они продолжались размеренно, через двенадцать часов. А вот час назад в эфир вышли почти одновременно сразу шесть станций!

Он решительно снял трубку телефона:

– Дежурный! Соедините с начальником штаба флотилии. Спит? Будите немедленно! И свяжите меня с командиром погранотряда.

Через десять минут в кабинете начштаба встретились несколько человек. Еще сонный начальник штаба КВФ, не менее сонный полковник-пограничник, командир 60-го Вилючинского погранотряда, командир только что сформированного 14-го отдельного батальона морской пехоты и сам начальник контрразведки флотилии. Сон с начальника штаба слетел моментально, как только он вник в смысл происходящего. Американский десант, из туманного и неопределенного будущего превратился в ближайшую и неотвратимую реальность.

– Увеличение числа групп означает только одно. К группе глубокой разведки они добавили команды разведки первой волны высадки. Корректировщиков, наводчиков, диверсантов и обеспечение высадки основных сил. Это значит, что высадка начнется в ближайшие двенадцать часов. У нас есть возможность проредить этих ухарей до того, как они нам основательно напакостант?

– Я могу выделить силы с ближайших постов и маневренную группу Елизовской комендатуры, но это всего примерно две роты, мало для полного прочесывания такого района, – с сомнением проговорил пограничник. Маневренные группы из Усть-Большерецкой и Усть-Камчатской комендатур быстро не перебросишь, да и оголять границу там неразумно. Еще у нас есть взвод повышенной боеспособности, это примерно то же, что и ваши «волкодавы» из роты разведки, – обратился он к морпеху. – И школа сержантского состава, примерно рота по составу, но все это в районе Северных Коряк. Они придут в этот район не раньше, чем через пять часов, и это в том случае, если противник не обнаружит выдвижение с воздуха. Вы сами понимаете, что американцы со вчерашнего вечера уже охотятся на дорогах за каждой машиной.

– У меня тоже не полноценный батальон, вы же знаете, – обратился майор-морпех к начальнику штаба.

– Я знаю, – как от горького лимона, скривился начальник штаба флотилии от нахлынувших воспоминаний.

Еще шесть лет назад в составе Камчатской военной флотилии была полноценная бригада морской пехоты, целых четыре батальона, плюс три дивизиона, артиллерийский, минометный и зенитный. Но необдуманный топор сокращений, в угоду «ракетизации армии и флота», прошелся не только по кораблям и полкам ВВС. Бригада была полностью расформирована, во флотилии сохранить удалось только одну разведывательную роту, на базе которой с началом войны по планам развертывания и создавался этот батальон. Фактически сейчас он представлял собой три разрозненные роты, а реально боеспособной была лишь одна, кадровая. Две остальные в настоящее время были лишь неслаженной и необученной толпой запасников и призывников с легким стрелковым вооружением.

– Сделаем так. Силы охраны наших объектов сдергивать на прочесывание не будем, пусть они только проверят и проконтролируют подходы. Особенное внимание уделить подходам к стационарным береговым батареям, аэродрому и базе флотилии в Вилучинске и пунктам развертывания 294-й береговой артиллерийской бригады в этом районе.

– Твои орлы, – обратился он к пограничнику, – прочесывают побережье и районы возле пограничных постов.

– Разведрота флотилии работает по ключевым высотам, с которых можно вести наблюдение в этом районе. Остальные две роты расположить в усиление дорожным постам в этом районе. По прибытию от пограничников остальных сил, совместно с ними скоординируете дальнейшие свои действия. Сейчас я свяжусь с командиром 22-й мотострелковой дивизии. Объясню ему сложившуюся ситуацию, и вместе решим, может быть, удастся организовать полное прочесывание совместно с мотострелками в ближайшее время, пока американцы не обрушились на нас.

02 ноября, местное время 05:55. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Большая Саранная, восемнадцать миль от береговой линии. Американский лидер эсминцев USS DL-3 «John S. McCain»

В принципе, то, чем собирался сейчас заняться лидер эскадренных миноносцев «Джон С. Маккейн» типа «Митчер», вместе с эминцем DD 742 «Фрэнк Кнокс» типа «Гириг», называлось «подергать тигра за усы» еще в прошлую большую войну. Приблизиться к вражескому побережью, на полной скорости пройти вдоль планируемого места высадки своего десанта с севера на юг, обстрелять из своих десяти пятидюймовок подозрительные места и, самое главное, вызвать ответный огонь на себя. У красных, по данным разведки, в этом районе была как минимум одна стационарная береговая батарея среднего калибра. А вот конкретно какого – неизвестно. Неизвестной величиной было и количество, и расположение вражеских орудий. А также наличие в этом месте других противокорабельных систем, типа этих чертовых ракет, которые сыграли решающую роль в разгроме десанта на Кубу. Вот это сейчас и должны были выяснить два американских корабля, тем более что им этим делом заниматься было не впервой. Был богатый опыт, здесь же, на Тихом океане, и во Вторую мировую войну, и десять лет назад, в Корейскую. А дальше, когда орудия противника обнаружат себя первыми залпами, в дело вступят пилоты из «Таффи-72», шестерка «Скайрейдеров» уже барражирует в зоне ожидания. Вышли на связь с эминцами и «тюлени» из группы морского спецназа, высаженные несколькими днями ранее с подводной лодки. Им удалось обнаружить два стационарных орудия русских на склонах возвышенности, разделяющей две бухты, в которые планировалась высадка десанта. Но самое главное, у них пока получалось оставаться незамеченными. Так что все шло по ранее разработанному плану. Ну, почти все. Вообще-то, на месте «Маккейна» и «Кнокса» сейчас должен быть легкий крейсер «Туксон» с парой фрегатов эскорта. Но несчастный «Туксон» был потоплен прошлой ночью, вместе с другими кораблями дальнего охранения «Таффи-72», и командованию пришлось срочно перекраивать планы. «Дергать тигра за усы» пришлось кораблям из группы охранения десантного вертолетоносца «Иводзима». В непосредственном охранении «Иводзимы» остались сестершины «Кнокса» – два эминца типа «Гириг», DD 807 «Benner» и DD 806 «Higbee». А чтобы у красных не возникло соблазна повторить свою атаку ракетных катеров, у выхода из Авачинской бухты дежурила, сменяясь, группа ударных самолетов. Горловина бухты была надежно запечатана; если красные попытаются вылезти из своей норы, их ждет горячий прием.

Силы береговой обороны на юге Камчатки представляли собой довольно разношерстную компанию. Наряду со 130- и 152-миллиметровыми орудиями производства еще 1930-х годов здесь были и ракетные установки 4К87 «Сопка», новые орудийные передвижные 130-миллиметровые системы СМ-4-1Б, и самые мощные орудия на Камчатке, 180-миллиметровые спа-

ренные МБ-2-180 и одиночные МУ-1 башенные установки. Батарея № 502 в составе четырех одноорудийных башен МУ-1 прикрывала подход в бухту с юга. Под каждой башней находился небольшой одноэтажный бункер, в котором размещены зарядный и снарядные погреба, щитовая, генераторная и баллонная. Сама батарея входила в состав 50-го отдельного артиллерийского дивизиона, который включал еще и батарею № 961, оснащенную четырьмя не такими дальнобойными, но тоже мощными 130-миллиметровыми орудиями Б-13-ШС со щитовым прикрытием. Эта батарея находилась на возвышенностях мыса Саранный, ограждающих бухты Безымянная и Малая Саранная, как раз на острие будущего американского десанта.

Но самые большие надежды советское командование возлагало на батарею № 501. Эта батарея строилась несколько лет, на нее были потрачены огромные денежные и материальные ресурсы, и она являлась наиболее защищенной береговой батареей в оборонительном районе Петропавловска-Камчатского.

Батарея, расположенная к северу от входа в Авачинскую бухту, была оснащена двумя спаренными установками МБ-2-180. Стоящая наверху вращающаяся стальная коробка с орудиями являла собой лишь небольшую часть огромного комплекса сооружений, называемого батареей № 501. Организационно батарея представляла собой отдельный казарменный городок, в котором личный состав, а это 276 матросов и офицеров, находился в мирное время, и сам комплекс, все главное из которого размещалось глубоко под землей. Подземные сооружения состояли из двух железобетонных башенных блоков, силовой станции, запасного и резервного командных постов, дальномерного поста и потерны глубокого заложения, которая это все соединяла. В каждом блоке устанавливалось по одной двухорудийной башенной артиллерийской установке МБ-2-180. Толщина вертикальной башенной брони и кирасы составляла 203 миллиметра, а крыши – 152. Расстояние между башенными блоками чуть менее 200 метров. Башенная установка МБ-2-180 состояла из четырех отделений, расположенных друг над другом: верхнее боевое отделение (башня с орудиями на станках), рабочее отделение (вращающееся с башней, 18 отсеков, стеллажи для хранения снарядов, механизмы наведения), перегрузочное отделение (механизмы подачи боезапаса), нижний цилиндр (центрирующий штыр, внутри – провода и трубы сжатого воздуха). Заряды и полузаряды хранились в отсеках зарядных погребов в нижних этажах башенных блоков. Неподвижная часть установки состояла из жесткого барабана, скрепленного из стальных листов в виде двух концентрических цилиндров, и фундаментной рамы со стальным стаканом. Жесткий барабан установлен на выступы бетонного блока и заделан своими выступающими ребрами в бетон. Барабан внутри разделен вертикальными переборками на 18 отсеков, 17 из них оборудованы стеллажами для хранения снарядов, а 18-й предназначен для устройства входа в башню из внутренних помещений бетонного блока. Заряды хранятся в нижней части бетонного блока в зарядном погребе. В бетонном блоке, кроме того, размещается ряд вспомогательных помещений. В нижней части блока, в стороне, противоположной зарядному погребу, расположены: помещение термостатов, компрессорная станция и калориферное отделение. Выше этажом расположены: помещение фильтров воздуха (для химической и радиационной защиты), лазарет, душ и санузел. На уровне снарядного погреба: кубрик для личного состава башни и помещение командира башни. Вращающаяся часть состоит из стола и подачной трубы. Стол представляет собой конический барабан с верхним и нижним полами с установленными на них тремя продольными балками, служащими станинами орудийных станков. На этих балках установлены подцапфенники, на которых лежат качающиеся части станка – люльки с телами орудий. Нижняя часть стола называется боевым штыром. Боевой штыр служит для передачи жесткому барабану силы отдачи при выстреле. Верхним штыровым погоном башня опирается на стальные шары, уложенные на нижний шаровой погон, который закреплен на жестком барабане.

Вырубленная глубоко в скалах потеряна на глубине более шести метров и общей длиной более одного километра соединяла обе башни, основной и запасной командные пункты

и основной дальномерный пост. Резервный дальномерный пост расположен гораздо ниже, и с батареей подземной связи не имел. Такое решение было принято в связи с частыми туманами в этом районе, и тогда резервный «низкий» дальномерный пост становился основным. Командные посты и силовая станция были расположены в отдельных казематированных блоках. Вращающаяся броневая рубка стереоскопического дальномера ДМ-6 размещалась в отдельном железобетонном блоке, соединенном с командным постом закрытым ходом сообщения. Железобетонные башенные блоки двухэтажные, входы в них прикрыты коленчатыми сквозниками. Помещения верхнего этажа блока имели противооткольную одежду из стальных швеллеров со вставками из 6-миллиметрового железа.

Еще в силы береговой обороны на юге Камчатского полуострова входит в составе 294-я отдельная береговая артиллерийская бригада. Она включает в себя 21-й береговой ракетный полк, а также 41-ю и 559-ю береговые артиллерийские батареи. Бригада полностью мобильная, 21-й береговой ракетный полк дислоцируется в поселке Англичанка, возле Елизовского аэродрома. Согласно планам развертывания, два дивизиона из 21-го полка были переброшены в район Вилучинска, а два – в район возвышенностей южнее Радыгино. Так штаб КВФ надеялся прикрыть все десантоопасные направления возле города Петропавловск и основных центров флотилии. В дивизион комплекса «Сопка» входят: стартовая батарея из двух пусковых установок Б-163 на двухосных прицепах, буксируемых гусеничными тягачами АТС; техническая батарея из десяти седельных тягачей ЗиЛ-157В с запасными ракетами на полуприцепах ПР-15. Крана в составе технической батареи не было, поскольку на каждой пусковой установке имелся свой собственный механизм перезарядки ракет с состыкованного полуприцепа. Весь процесс предстартовой подготовки с перезарядкой занимал 17 минут. Но максимальная скорость тягача АТС с ракетой составляла 25 километров в час, и это сразу делало невозможным оперативную переброску двух дивизионов, оставшихся севернее, в район предполагаемого десанта. Две артиллерийские батареи, входившие в состав 294-й бригады, имели на вооружении восемь 130-миллиметровых береговых подвижных артиллерийских установок СМ-4-1Б, транспортируемых гусеничными тягачами АТТ. И опять-таки, вблизи зоны высадки оказалась только одна, 41-я береговая артиллерийская батарея. Другая, прикрывавшая северный участок, даже если бы и получила немедленный приказ о передислокации, опоздала бы к началу высадки. Ведь между местами расположения частей бригады было почти девяносто километров, и почти все по плохим дорогам. А вот «достать» корабли десанта, когда они подойдут к берегу для высадки, некоторые системы северной группировки бригады могли бы и с мест своей дислокации. По прямой от позиций возле Радыгино до берега бухты Большая Саранная всего тридцать километров, а до берега бухты Безымянная – меньше двадцати. И сейчас, при подходе к берегам Авачинского залива американские корабли ожидал неприятный сюрприз.

02 ноября, местное время 06:16. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Большая Саранная, пять миль от береговой линии. Американский лидер эсминцев USS DL-3 «John S. McCain»

Капитан лидера посмотрел на секундомер. Пора. В предрассветной темноте лежащие на западе берега Камчатки угадывались лишь мрачной смутной тенью. Если сейчас этот хваленый морской спецназ не даст целеуказание, придется стрелять почти наугад, по счислению. Но внезапно в полумраке взлетели, почти одновременно, но в разных местах, две красные ракеты.

– Лейтенант, – обратился капитан к своему артиллерийскому офицеру, – наши «тюлени», оказывается, способны не только бить морды в барах нашим же матросам. Начинайте, только не забудьте взять выносы от мест сигнала, чтоб не поцарапать «тюленям» их дорогую шкурку.

Лейтенант молча кивнул, и пятидюймовки лидера выплюнули первые 55-фунтовые «подарки для комми». Ответ не замедлил последовать. На черном фоне возвышающегося

на западе берега сверкнула вспышка, и через несколько секунд в двух кабельтовых впереди корабля поднялся еле различимый в сумраке высокий белопенный фонтан разрыва.

– Сэр, центральный пост докладывает, что нас облучают как минимум три радара, причем различных типов. Один определен точно, это «Бурун», артиллерийский радар для новых мобильных 130-миллиметровых орудий русских, – обратился к капитану вахтенный офицер.

– Черт, «тюлени» же дали нам целеуказание для стационарных систем, определив их тип, как Б-13. Эта система еще тридцатых годов, откуда на ней радары? У русских есть еще сюрпризы? – удивленно проговорил капитан. – Дайте залп осветительными снарядами по месту целеуказания и вызывайте штурмовики, пусть начинают работать. А мы пока посмотрим, что нам еще приготовили красные. Рулевой, принять вправо пятнадцать, ход тридцать пять узлов!

Лидер чуть накренился, поворачивая и ускоряясь. Но тут черная темнота берега замигала многочисленными вспышками.

– Сэр, помимо ложных целей наблюдаю восемь, нет, десять выстрелов! Три группы, это три батареи, одна у нас на траверсе, две впереди слева по курсу!

– Рулевой, принять еще вправо тридцать! – отреагировал капитан.

Но лидер эскадренных миноносцев класса «Митчер» – это довольно большой корабль, почти пять тысяч тонн водоизмещением. И, несмотря на свои мощные двигатели, позволяющие ему разогнаться почти до 35 миль в час, мгновенно он не может ни повернуть, ни ускориться. Инерцию, законы физики, не может отменить ни господь бог, ни даже кэптэн US NAVY.

Не успел «Джон Сидней Маккейн» лечь на новый курс, как вокруг него встал целый лес всплесков от разрывов снарядов. Причем четыре из них резко отличались от остальных, поражая своей высотой и размерами. Три из них легли кучно, в сотне ярдов впереди, а вот еще один пришелся буквально в десяти футах по левой скуле перед форштевнем. Корабль резко дернулся, осаживаясь назад, как боксер, который получил прямой удар в челюсть. По палубе и конструкциям часто застучали осколки. На лаге стрелка, указывающая скорость, резко качнулась влево.

– Сэр, из носовых отсеков докладывают о поступлении воды. От гидравлического удара разошлись швы обшивки, еще у нас многочисленные пробоины от осколков. И вдобавок свернут форштевень, – скороговоркой выпалил старший офицер.

– Подтверждаю, сэр, корабль сильно тянет вправо, – доложил рулевой.

– Что за чертовщина, от одного 130-миллиметрового снаряда не может быть таких серьезных повреждений! – изумился капитан.

– Сэр, три всплеска, которые упали прямо по курсу, были значительно больше, чем остальные. Можно предположить, что и тот снаряд, который разорвался у нас под форштевнем, был такой же. Похоже, восемь или семь дюймов, не меньше, – ответил вахтенный офицер.

– Скорее, 180 миллиметров. У красных такой калибр стоит на легких крейсерах типа «Киров», и эти же пушки есть на вооружении береговых батарей, причем в броневых башнях, – отозвался старший офицер.

Будто подтверждая его слова, на корабль обрушился новый залп. На этот раз корабль получил два прямых попадания, правда 130-миллиметровыми снарядами. Корпус корабля содрогнулся, по конструкциям боевой рубки застучали осколки. Но главная угроза – четыре больших всплеска выросли по левому борту совсем рядом.

– Сто восемьдесят миллиметров, да еще в броневой башне, это серьезно. Нашему калибру совсем не по зубам. Надо скорее убираться из этого района, пусть этими пушками займутся самолеты из «Таффи». Местоположение этих орудий засекли?

– Трудно сказать, сэр. Всего мы засекли десять орудий. Два рядом с теми, на которых дали целеуказание «тюлени», на мысе Саранный. Вероятно, это тоже стационарные 130-миллиметровки, со щитами и в таких же бетонных полукапонирах. Четыре в глубине вражеской

территории, к северу, за озером Пресное. Скорее всего, это мобильные системы русских, с наведением по радару, тоже калибра 130. Там как раз начинается возвышенность и рядом проходит дорога. И две вспышки слева по курсу, на мысе Безымянный. Вот эти, скорее всего, стационарные, калибра 180. Уж очень удобное место на этом мысу для такой батареи, позволяет простреливать как вход в главную, Авачинскую бухту, так и пляжи, где мы планируем высадку десанта. Еще два орудия обнаружить пока не удастся. Может быть, они расположены севернее и закрыты от нас этим самым мысом.

– А может, они в спаренных башнях и радар засветку от двух выстрелов принимает за один, – возразил капитан.

Бой тем временем разгорался все больше. Замыкающий эсминец «Кнокс», пользуясь тем, что его никто не обстреливает, тоже сначала «повесил» два осветительных снаряда над русской батареей на мысе Саранном, а потом, пристрелявшись, перешел на беглый огонь. Шесть 127-миллиметровых орудий Мк12 в трех башнях эсминцев типа «Гиринг» имели паспортную скорострельность пятнадцать выстрелов в минуту на каждый ствол, и «Фрэнк Кнокс» эту скорострельность достиг. На позиции батареи № 961 обрушился настоящий ураган из огня и стали. Каждую минуту на батарею падало двадцать четыре снаряда весом более тридцати одного килограмма каждый. Уже через две минуты теория вероятности стала превращаться в реальность повреждений от большого числа попаданий. Часть снарядов легли очень близко от бетонированных орудийных дворики. Дворики поднимались круговой стенкой вверх, образуя полукапонир, но высота его была всего немногим более метра, чтобы обеспечить достаточные углы поворота и наклона своего орудия. Казенная часть орудия и расчет прикрывались купольным щитом, но толщина щита была всего 13 миллиметров, и закрывал расчет он всего наполовину. Так что, если достаточно крупный осколок от близко разорвавшегося снаряда попадал в щит, то он пробивал его, нанося повреждения и людям, и механизмам. А один снаряд, опять же в полном соответствии с теорией, разорвался прямо внутри бетонного дворика, в пространстве между щитом орудия и внутренней стенкой полукапонира. Результат был ужасен. Когда, после боя, выжившие бойцы батареи пришли на место, где стоял полукапонир с орудием № 3, они внутри обнаружили лишь кучу обгорелого искореженного железа, перемешанного с человеческим мясом. Оторванный ствол лежал в пятидесяти метрах ниже по склону, у самого уреза воды. Но батарея, погибая, ожесточенно сопротивлялась. Уцелевшие орудия продолжали упорно обстреливать головной корабль американцев. У командира сначала возникла идея перенести огонь на второй эсминец, но потом он решил этого не делать.

Тратить драгоценное время на пристрелку и перенос огня, когда орудия его батареи, похоже, доживают последние минуты, неразумно. Уж лучше постараться продать свои жизни подороже, тем более что головной американец сбросил ход и горит. А потом было уже поздно. Взрывы многочисленных снарядов повредили проводные линии связи, а радиопомехи американцы начали ставить еще за десять минут до начала боя. Целеуказания, ранее поступавшие в батарею от РЛС от 41-й батареи, прекратились с обрывом линии связи, но пожар на американце позволял уже пользоваться для наведения обычными оптическими дальномерами. И два уцелевших орудия с поредевшими расчетами продолжали бить по «Маккейну».

А положение дел на нем было гораздо хуже, чем на необстреливаемом «Кноксе». Десятки 130-миллиметровых снарядов летели в него со стороны берега, и не все они пролетали мимо. Огонь со стороны стационарной батареи № 961, которую старательно обрабатывал «Кнокс», сильно ослабел, кроме того, изначально устаревшие системы Б-13-ПРС могли выдавать восемь выстрелов в минуту, максимум. Да и точность попаданий этих орудий, наводимых теперь при помощи устаревших оптических дальномеров, была невысокой. Но «Маккейн» находился под обстрелом еще двух советских батарей, стационарной № 502 и мобильной № 41. Последняя была оснащена более новыми 130-миллиметровыми орудиями послевоенной разработки. Эти орудия, кроме того, что имели довольно современную радиолокационную систему наведения,

основанную на РЛС «Бурун», работавшую в сантиметровом диапазоне, обладали более высокой скорострельностью, почти не уступавшей американским универсальным пятидюймовкам. Стотридцатимиллиметровое орудие СМ-4-1Б с длиной ствола в 56 калибров и полуавтоматическим клиновым затвором развивало скорострельность двенадцать выстрелов в минуту. И попадания снарядов весом более 33 килограммов каждый шли одно за другим. Хотя такой большой корабль, как лидер эскадренных миноносцев, почти, что легкий крейсер по классификации прошлой войны, мог «всосать» без существенного риска для себя и не один десяток таких снарядов.

Но больше всего проблем лидеру доставила третья батарея русских. Башенные одноорудийные установки МУ-1 были оснащены 180-миллиметровыми пушками, которые выпускали снаряды весом 97 килограммов пять раз в минуту и могли стрелять на 38 километров. Сами орудия стояли в башнях над бетонными погребам с перекрытием более полутора метров. Броня башен доходила до 75 миллиметров, что позволяло расчетам не бояться близких разрывов 127-миллиметровых орудий американцев. Да и прямое попадание американского фугасно-осколочного снаряда, при всей своей мизерной вероятности, вряд ли нанесло бы башне существенные повреждения. И сейчас находившиеся на батарее № 502 расчеты расстреливали горящий «Маккейн» почти что в полигонных условиях. Уже третий залп батареи лег точно по кораблю. А дальше дело пошло, как по маслу. Через три минуты на лидере были сбиты обе трубы, замолчали обе носовые башни Мк42, и он горел от второй башни до самой кормы. Сам корабль свалился в циркуляцию, садясь на корму. Один из 180-миллиметровых снарядов, попав в кормовую оконечность, при взрыве завернул перо руля, вдобавок напрочь его заклинив. Скорость «Маккейна», еще несколько минут назад бывшего одним из самых быстрых кораблей в соединении, упала до совсем смехотворных десяти узлов. А обстрел, вернее, уже расстрел лидера продолжался. Русские наконец-то начали расплачиваться с американцами за свои семьи, отравленные заринном в предыдущую ночь.

«Фрэнк Кнокс», видя бедственное положение своего флагмана, описал координат, пытаясь прикрыть горящий и уже не стреляющий лидер дымовой завесой. В дополнение эсминец перенес огонь с почти подавленной батареи № 961 на другие. Частично на соседнюю, 41-ю, батарею, по ней открыла огонь кормовая спаренная установка Мк12. Обе носовые переключились на обстрел батареи № 502, пытаясь заставить ее замолчать. «Кнокс» сначала, как в предыдущем случае, дал залп осветительными снарядами из всех шести орудий. Но наводчиков на эсминце постигло разочарование. Мобильные установки СМ-4-1Б находились на заготовленных заранее позициях, в распадках нескольких сопков, обрамлявших бухту Безымянная с юга, вне прямой видимости с моря. На кораблях место расположения орудий могли наблюдать только в момент выстрела, когда из поднятого ствола длиной почти семь с половиной метров вслед за вылетающим снарядом вырывался многометровый форс пламени и раскаленных газов. А из четырех башен батареи № 502 с той точки моря, где находился эсминец, видны были только две, и те американцы обнаружили, только тогда, когда те дали очередной залп по многострадальному «Маккейну».

Но над полем боя появился новый участник. Шестерка «Скайрейдеров», строя свой заход со стороны моря, запросила у своих кораблей целеуказания. Они поначалу пытались связаться с «Маккейном», но на нем были сбиты уже все антенны, и он не отвечал. Тогда ведущий штурмовиков вышел на связь с эсминцем. Командир эсминца резонно решил, что уже обнаруженная, но недобитая, стационарная батарея возле бухты Большой Саранной никуда не денется, с ней авиация может разобраться и позже. И направил воздушный удар на две обнаруженные башенные установки. Их надо было затыкать, причем срочно, если Америке не нужен утонувший «Маккейн». И вызвал еще самолеты, ведь вражеских целей обнаружилось неожиданно слишком много. Ведущий группы штурмовиков запросил дополнительную подсветку и полу-

чил ее, сразу две башни «Кнокса» повесили над обнаруженными установками 502-й батареи четыре осветительных снаряда.

И «толстые собаки» устремились на цель. Штурмовики атаковали просто, заходя на орудия над морем, с юго-востока, в пологом пикировании. Начало захода на высоте полторы мили, проход над целью и выход из атаки – на высоте 800 футов, с разворотом на северо-восток, опять в сторону моря. С учетом резкого повышения местности «Скайрейдеры» проносились над советскими позициями почти на бреющем, едва не задевая ветки деревьев. Будь это днем, командир группы не рискнул бы так снижаться, количество зенитных пулеметов у русских уже неприятно удивило пилотов US NAVY. Но ночью попасть в самолет, летящий в темноте, можно только при помощи наведения с РЛС, а его у зенитных пулеметов не было в принципе. На мысу Безымянном в прикрытии береговой батареи вообще-то еще находились и зенитные, одна как раз, оснащенная современными 57-миллиметровыми орудиями С-60 с радарным наведением. Но один из снарядов «Кнокса», легший перелетом, разорвался вблизи станции РЛС. Станция РЛС – штука гораздо более нежная и хрупкая, чем бронированная артиллерийская башня. Одного близкого разрыва пятидюймового снаряда хватило, чтобы вывести ее из строя. И зенитные орудия вынуждены были стрелять при помощи обычных прицелов, фактически наводчики наводили каждый свое орудие «на глаз», с трудом целясь по проносящимся вверху смутным стремительным теням. Со стороны это выглядело эффектно, но не эффективно, пользы от такой стрельбы не было. Во всяком случае, после того, как «Скайрейдеры» сели на «Йорктаун», техники при осмотре самолетов, нашли всего только пару маленьких дырок в плоскостях А-1Н командира группы.

Эффективность первого захода американцев тоже оказалась близка к нулю. Штурмовики, кстати, из эскадрильи, участвовавшей в налете на Усть-Камчатск, несли почти то же вооружение, что и тогда. Тогда, в Усть-Камчатске, штурмовики имели по четыре пятисотфунтовые фугасные бомбы и два бака BLU-27 с напалмом весом 750 фунтов каждый. Еще на четырех узлах подвески тогда находились кассеты с РЛ-ловушками, попросту говоря, резаной фольгой. Но сейчас уже зенитных ракет русских можно было не опасаться, и набор вооружения был чуть изменен. Фугаски и баки с напалмом остались на своих местах, а вот на остальных узлах подвески висели кассетные бомбы Mk20, весом 485 фунтов каждая. В первом заходе американцы высыпали бомбы, но в отличие от устаревших орудий, стоявших всего лишь в земляной обваловке там, в Усть-Камчатске, сейчас под американцами стояли бронированные башни. И нанести такой башне хоть какой-то урон бомба весом в 227 килограммов могла только при прямом попадании. Но таких не случилось, бомбы легли кучно, разбросав остатки маскировки вокруг башен, но и только. В этом ведущего уверил командир «Кнокса», сразу после захода все вражеские орудия дали очередной залп по тому же горящему «Маккейну».

И во втором заходе американцы, пользуясь тем, что «Кнокс» в очередной раз «подсветил» цели, довольно точно вывалили на башни все кассетные бомбы. Каждая такая бомба была оснащена 247 кумулятивными суббоеприпасами Mk.118. Шестисотграммовый суббоеприпас Mk.118 может пробивать броню толщиной до 190 миллиметров. При сбросе одной бомбой кассеты Mk.20 зона поражения приблизительно равна футбольному полю. Над двумя орудиями батареи № 502 прошел стальной ливень. Обе башни получили не меньше десятка попаданий каждая, в результате которых верхние броневые листы башен обзавелись аккуратными дырочками, а в боевых отделениях из-за сверхзвуковых ударных волн, возникающих при пробитии кумулятивной струей брони, не осталось никого живого из орудийных расчетов. Но самым страшным был третий заход. В нем шесть «Скайредеров» освободились от баков с напалмом. Горело все, остатки деревьев, земля и скалы вокруг. Горела броня. Но самое страшное, горящий напалм стекал вниз, затекая в малейшие щели и зазоры конструкций башен. В маски орудий. И в дыры, только что проделанные суббоеприпасами Mk118. Сначала он попал в боевое отделение, а потом стал капать тяжелыми густыми каплями в подбашенный погреб, когда

прожег резиновые уплотнения люков, и самое главное, стал затекать в открытые окна элеваторов-подъемников. Ведь они закрывались сверху, а наверху уже не было живых. Потом загорелись пороховые заряды в картузах выстрелов. Со стороны это смотрелось страшно и одновременно завораживало, когда давление от горящих пороховых газов вышибло наружные двери и бронезаслонки вентиляции, и почти одновременно над двумя орудиями 502-й батареи встали две исполинские свечи ослепительно белого пламени. Потом раздался грохот от сдетонировавших наконец снарядов, и обе башни, подброшенные мощной взрывной волной, медленно кувыркаясь, взлетели в воздух. Никто из расчетов не смог выжить. В отличие от спаренных башенных установок МБ-2-180, которые имели и потерну, под землей соединявшую обе установки, и запасные выходы, на одноорудийных МУ-1 не было ничего. С целью экономии денег, времени и материалов у них наличествовала только башня, которая устанавливалась прямо на снарядный погреб и которая из защищенного места сразу превратилась в адскую ловушку, обернувшуюся братской огненной могилой для двух расчетов батареи.

Командир 41-й батареи отдал приказ сворачиваться, едва увидев первый заход вражеских самолетов. Нормативное время свертывания установок СМ-4-1Б составляет немногим меньше двадцати минут, но расчеты, подстегнутые страшной картиной американского налета на соседей, перекрыли этот норматив почти вдвое. Когда новая группа американских самолетов прилетела в этот район, она застала только пустые позиции. Они отбомбились по позициям батареи № 961, окончательно ее уничтожив.

Лидер эсминцев USS DL-3 «John S. McCain» пережил своего противника ненадолго. После первого захода американцев четыре орудия батареи № 502 успели дать по нему десять полных залпов. Из сорока снарядов непосредственно в корабль попало девять, и это, с учетом предыдущих повреждений, оказалось для корабля фатальным. Горящий, уже неуправляемый и обездвиженный корабль медленно погружался в воду, постепенно заваливаясь назад. «Кнокс» подошел к нему, чтобы снять остатки экипажа. Пушки русских прекратили стрелять, и эсминец мог сбросить ход, не опасаясь стать стоячей мишенью.

Командир четвертого дивизиона 21-го берегового ракетного полка, майор Смирнов, выслушав рапорты с поста РЛС-наведения и постов выносного наблюдения, шумно выдохнул воздух. Ну наконец-то. Один корабль противника горит и тонет, подбитый коллегами из его бригады. Второй застопорил ход, подойдя к первому, очевидно, чтобы снять с него экипаж. Американские самолеты, которых он опасался больше всего, отбомбившись, ушли на северо-восток. И он решился:

– Дивизион, пуск по захваченным целям!

На позиции дивизиона все звуки потонули в реве стартовых двигателей. Они мгновенно разогнали две ракеты, весом по три с половиной тонны каждая, с наклонных направляющих. Позиции дивизиона находились всего в тридцати пяти километрах от американских кораблей, и ракеты С-2, имевшие маршевую скорость 1050 километров в час, преодолели это расстояние за пару минут. Американцы были застигнуты врасплох. Радар «Кнокса» засек полет ракет всего за полминуты, и сделать было уже ничего нельзя. Самолет ДЛРО, висевший с группой охранения на пятнадцать миль дальше к востоку, вообще не увидел ракеты, летевшие всего на высоте четыреста метров. Единственное, что успел сделать командир «Кнокса», это связаться с командованием и доложить о приближении «Вампиров». Он еще прижимал гарнитуру связи к уху, когда первый «Лосось» упал в воду в тридцати футах от эсминца. Подводный взрыв боевой части весом в тонну всего в пятнадцати метрах способен сильно повредить и может даже утопить такой корабль, как эсминец типа «Гиринг». Но двумя секундами позже это стало несущественно, вторая ракета попала в «Кнокс» аккуратно позади второй дымовой трубы. Взрыв был такой силы, что корабль просто разорвало пополам. Корма утонула сразу, а носовая часть еще немного оставалась на плаву. Как раз столько времени, чтобы немногие уцелевшие успели прийти в себя и попрыгать в воду. Два мощных взрыва, произошедшие почти рядом, докончили

и «Маккейн», он затонул почти за минуту. И через короткое время на поверхности океана виднелись только пара десятков выживших в спасательных жилетах, трупы и обломки с двух кораблей. Живые очень быстро, в течение нескольких минут, присоединились к мертвым. Температура воды в ноябре в море возле Камчатки превышает точку замерзания всего на несколько градусов. И всю эту кучу ветер и течение быстро несли на побережье мыса Безымянный.

02 ноября, местное время 06:14. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Малая Саранная. Позиции второй роты второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии на возвышенности между озерами Малое Саранное и Мелкое, в четырехстах метрах от берега

Командир роты потер покрасневшие от бессонницы глаза и рывком поднял свое уставшее тело с лежанки. Рукой он махнул дремавшему за столом и встрепенувшемуся радисту.

– Пойду, пройдуся еще раз по позициям, – успокоил он его.

Позиции, которые на основных десантоопасных направлениях начали оборудовать еще с началом войны, с прибытием первых частей 22-й дивизии лихорадочно усиливали и дооборудовали. Положение усложнялось тем, что саперный батальон дивизии в данном районе отсутствовал, и приходилось работать своими силами, при помощи одних саперных лопат. Почти весь саперный батальон вот уже вторые сутки обеспечивал переправу основных частей дивизии через многочисленные мосты на основной трассе Камчатки, разрушенные массированным налетом американской авиации. Положение усугублялось еще тем, что в последние часы, закончив с уничтожением основной силы ПВО, зенитно-ракетной бригады, американцы перешли к изоляции южного района, развернув охоту буквально за каждым транспортным средством на дороге. Как-то проскочить машинам, поодиночке и мелкими колоннами, можно было только в темное время суток. Да и то, с большим риском, ночные налеты тоже были не редкость. Вот и получилась такая ситуация, что в районе к югу от входа в Авачинскую бухту советские войска ранним утром 2 ноября были представлены всего двумя батальонами из 211-го полка.

Первый мотострелковый батальон прикрывал наиболее опасное место, бухту Безымянная. Там же находились и почти все средства усиления, которые успели перебросить, – приданная одна батарея 122-миллиметровых гаубиц М-30 из состава 157-го артполка и две полковые батареи 120-миллиметровых минометов. И там же, в бухте Безымянной, находились и саперы, всего один инженерно-позиционный взвод, с траншеекопателем и экскаватором. Это объяснялось просто: единственная дорога из бухты Малая Саранная проходила через перевал Седелка, в долину, образованную рекой Вилюча. Из этой долины уже можно было, оставляя справа прибрежные озера Большой Вилюй, Малый и Большой Лиман и Пресное, проехать до грунтовой дороги на аэродром и дальше, в военно-морскую базу и город Вилючинск. Но участок от бухты и до перевала включительно был проходим для колесной техники только летом, и то, в хорошую погоду. А гусеничной техники у 211-го полка не было. Поэтому все приходилось таскать на себе почти три километра, полковые грузовики ГАЗ-51 и ЗиС-164 могли только доезжать до северного берега озера Большой Вилюй. Поэтому в бухте Малая Саранная оборону на позициях держали только две роты из второго батальона.

Ближе к северу береговую линию прикрывала еще одна рота из состава их батальона. Хотя протяженность пляжа, удобного для высадки, там была едва не втрое больше, чем в бухте Малая Саранная. Это объяснялось тем, что, высадившись на берег, противник сразу попадал в тупик. С юга по берегу было топкое и труднопроходимое устье реки, преодолев которое, противник упирался в почти отвесные скалы. Вдобавок на этих скалах располагалась береговая батарея № 961, вместе со своими силами прикрытия. С севера были труднопроходимые, почти отвесные скалы. Подняться туда можно было только пешком. Но преодолев эти препятствия, противник опять оказывался на узком кусочке пляжа. А продвижение в глубину полуострова

сразу через сто метров перекрывали озера Большой Виллой и Пресное. Проехать можно было только по узкому перешейку между ними, менее ста метров шириной, который к тому же имел в своей середине поросшую лесом высоту, с которой превосходно простреливался весь участок высадки. И только на северном участке можно было, сразу высадившись в бухте Спасения, продвинуться по ровной местности до дороги. Но дело усложнялось тем, что уж больно маленьким был этот удобный кусочек. Сам пляж был в ширину не более 200 метров, вдобавок дальше участок, по которому можно проехать, сужался вдвое, с одной стороны были топкие берега озера Пресное, а с другой опять начинались скалы. И башенные установки батарей № 502, стоящие на них.

Вот этот, с первого взгляда, большой кусок побережья и держала эта рота. Один взвод окопался на высоте, стоящей на перешейке, остальные силы обустроили свои позиции на склоне небольшой, поросшей лесом возвышенности, которая начиналась в четырехстах метрах от северного кусочка пляжа. Позиции вдобавок позволяли вести перекрестный обстрел. Даже маленькая, скалистая сопка Медвежья, разделявшая северный и южный пляжи, простреливалась полностью, с обеих позиций. Самая верхняя часть скал начиналась прямо с морского прибоя, а западный склон, поросший редким кустарником, круто, под углом почти тридцать градусов, неуклонно понижался в сторону позиций роты. Все средства усиления второго батальона были на южном, более изолированном участке, в бухтах Большая и Малая Саранная. Рота, расположенная южнее, могла оперативно получить помощь со стороны основных частей полка, оборонявших бухту Безымянная. Ведь туда шла уже более-менее приличная грунтовая дорога, да и расстояние по прямой было всего полтора километра.

Но все эти размышления вылетели из головы старшего лейтенанта, когда он, глядя на восток, где за угрюмыми скалами мыса Саранный простирался океан, потрясенно увидел, как почти над самыми орудиями 961-й батареи поднимаются две сигнальные ракеты! Одна на самой оконечности мыса, другая ближе к позициям роты, причем точно из месторасположения пограничного поста! Пост находился на основании мыса, уже почти у берегов озера Малое Саранное, и до левого фланга позиций роты от него было всего метров двести. Он еще вчера вечером, когда рота занимала позиции, приходил к пограничникам, договариваться о взаимных действиях. На посту была вышка, но океан с нее просматривался не полностью, с севера он был закрыт скалистыми сопками мыса. А вот подходы к бухте, где и были удобные места для высадки, с него просматривались изумительно. Еще на посту была маленькая избушка, в которой пограничники напоили его чаем. Всего на посту было пять человек, и, получается, противник их всех без шума ликвидировал, если с места поста подает сигналы? В голове его еще с бешеной скоростью крутились эти мысли, а он начал отдавать команды:

– Рота, тревога! Всем занять позиции! Евстигнеев! – обратился он к командиру левофлангового взвода. – Возьми два отделения, развернитесь в линию от берега озера до моря и начинайте прочесывание в сторону оконечности мыса. При обнаружении противника отрывайте огонь на уничтожение!

– Связь с батальоном, быстро! – обратился он уже к радисту, по тревоге тоже выбежавшему из блиндажа. Доложить срочно, наблюдаю пуски сигнальных ракет разведгруппой противника для целеуказания орудий батареи на мысу Саранном. Пограничный пост на мысу предположительно уничтожен противником. Для ликвидации разведгруппы силами роты начинаю прочесывание от позиций роты в направлении на восток, прошу предупредить охрану батареи!

Командир роты посмотрел на часы. Время было 06:17. Пока он отдавал приказы, в предрассветном сумраке, далеко в море, на юго-востоке, сверкнула вспышка корабельного залпа. И через несколько секунд над мысом, высоко в небе, вспыхнули шары осветительных снарядов, превративших ночь в день. Орудия батарей открыли ответный огонь, но за несколько секунд перед этим в десяти метрах от него старший лейтенант услышал крик:

– Вот они!

И сразу прозвучал хлесткий звук выстрела из трехлинейки. Винтовка Мосина в его роте была всего лишь одна, у снайпера роты. Еще через секунду вовремя среагировавший Евстигнеев выпустил осветительную ракету, «повесив» ее над самым урезом воды, точно под пограничным постом, и тогда диверсантов увидели все. Один человек тащил второго, который едва шевелился. Они уже спустились по скалам почти к самому морю, когда ракета осветила их тела, затянутые в черные, облегающие костюмы. «Твою ж мать! – потрясенно подумал старший лейтенант. – Это же они в гидрокостюмах! Сейчас бы ушли в воду, а мы без толку прочесывали бы пустые скалы!»

В это время хлопнул еще один выстрел из «мосинки», и сразу после этого застучали пулеметы роты, скосившие всех людей в черном. И только после старший лейтенант среагировал, перекрикивая грохот начавшейся артиллерийской канонады:

– Евстигнеев, отставить прочесывание! Пошли одно отделение туда, к этим в черном, пусть подберут их и все остальное, даже самые мелочи. Второе отправь на пост к пограничникам.

02 ноября, местное время 06:35. Камчатка. Подножие горы Виллой, верховье реки Малый Виллой. Место высадки диверсионно-разведывательной группы разведки третьей дивизии морской пехоты США

Еще не затих шум винтов вертолета, который высадил их в узком ущелье, мастерски зависнув прямо на скалистом пятачке между беснующимся горным потоком и почти отвесной скалой, как радист уже посылал в эфир короткую передачу. Остальные члены группы в это время прикрывали его, ощерившись в окружающую темноту стволами автоматов. Шифрованная передача означала, что первый этап прошел успешно. Группа высадилась без потерь и вовремя, теперь им предстоит следующий этап. Осторожно, оставаясь незамеченными, пройти вниз по течению этой реки, внимательно осматривая местность на предмет обнаружения запасных ракетных и артиллерийских позиций. А может быть, чем черт не шутит, и самих орудий или ракетных установок красных. Лейтенант Торчмэн на инструктаже поначалу не особо верил в то, что в такое бездорожье можно затащить что-то крупнее того, что может разместиться в конском выюке или на горбу человека. Но потом полковник показал им фотографии русского тяжелого гусеничного тягача АТ-Т, который тащил здоровенное орудие по руслу реки, чертовски похожей на ту, возле которой они сейчас находились. И объяснил, что в принципе, на такой технике на юге Камчатки можно передвигаться практически по любой речной долине. Главное, в эту долину попасть. А попасть можно только с моря или, как в данном случае, по одной из немногочисленных отвратительных грунтовых дорог, идущих вдоль берега. А дорога шла только до устья трех рек, с севера на юг: Большой Виллой, Малый Виллой и Саранная, которая, в свою очередь, образовывалась из слияния реки Малая Саранная и ручьев Верхний и Нижний Саранный. И поэтому на «Иводзиме» большие шишки решили четыре из пяти разведгрупп высадить в верховьях этих рек, к подножию мрачной вершины Виллочинского вулкана, от огромных вечных ледников на склонах которого и брали свои истоки все эти речки и ручьи. В долину реки и ручьев с общим названием Саранные запланировали целых две группы, а им, стало быть, достался Малый Виллой. После того, как они просмотрят долину реки, задание предписывало выйти в тыл позициям русских в бухте Малая Саранная для наблюдения и корректировки. По плану, к этому времени должна была начинаться высадка первой волны десанта.

Но насчет дальнейшей судьбы своей группы первый лейтенант Эдвин Торчмэн глубоко заблуждался. Еще 36 часов назад, когда 211-й мотострелковый полк только выходил на позиции своей обороны, командир полка выслал свою разведывательную роту, поставив ей одну задачу: занять все ключевые высоты в тылу своих будущих позиций, на глубину до шести километров и обустроить там скрытые наблюдательные посты-секреты. Оставшиеся силы роты

должны были занять основные транспортные узлы, разместившись так, чтобы можно было быстро прийти на помощь своим секретам. Естественно, все это в пешем порядке, местность в тылу своих оборонительных позиций и время года совершенно исключали возможность передвижения на полковом автотранспорте. Еще была отдельная 32-я разведывательная рота дивизии, вот она-то как раз оснащена гусеничными вездеходами ГАЗ-47, но ее прибытия в район скорых боевых действий командир полка решил не ждать, как только узнал, что в состав предполагаемых сил противника входит вертолетоносец «Иводзима».

По данным разведки, этот чертов корабль нес на своем борту целых три батальона морской пехоты, только без тяжелого вооружения и бронетехники. Сообщение из штаба флотилии о разведгруппах командира 211-го полка совершенно не удивило, он как раз только что отправил командиру дивизии свое донесение о замеченной разведчиками высадке четырех диверсионно-разведывательных групп с вертолетов; его опасения начинали оправдываться, этот проклятый вертолетоносец еще принесет им немало бед. Но пока все шло хорошо, уже через час разведчики дивизии сумели блокировать, а затем уничтожить три из четырех групп противника, спускавшихся по руслам рек к побережью, в тыл позиций батальонов его полка. Группа лейтенанта Торчмэна не была исключением. Ее высадку засекли сразу три наблюдательных поста, а секрет, занимавший высоту 708, помеченную на картах еще как гора Виллюй, вообще сумел не только подсчитать точно количество морпехов в его группе, но и определить, кто радист, кто командир. Немудрено, ведь американцы высадились ниже по склону всего в трехстах метрах, а потом еще и пять минут оставались на месте, пока их радист не закончит сеанс связи. Из отделения, расположенного в секрете, сержант, командовавший им, отрядил четверых – трех разведчиков и снайпера. Они осторожно пошли по гребню высот, закрывавших долину реки Малый Виллюй, с севера. Ночью, по горам, да еще в начале ноября, на Камчатке можно передвигаться очень медленно. Помогло только то, что этот маршрут был заранее отработан, да еще то, что противник не торопился. Американцы обшаривали в долине каждый закуток, но их совершенно не интересовали высоты. Так они и передвигались целый час, русские по гребню, американцы по долине. Пока американцы не угодили в засаду к еще одному отделению, разместившемуся в долине реки, в километре от перевала Седёлка. И когда американцы пересекли условленную черту, в небе над ними зажглось несколько осветительных ракет. Едва раздались первые выстрелы, как снайпер группы, сопровождавший противника, прострелил ногу сначала Торчмэну, а потом радисту.

Работать с высоты, по освещенному и растерянному противнику, было очень просто, как на батальонном стрельбище. Уцелевшие американцы, сообразившие, что их обстреливают с двух сторон, ринулись на противоположный склон, но там их встретила огнем третья группа, пришедшая с еще одного секрета. В итоге трое морпехов, залегшие среди камней и пытавшиеся отстреливаться, были убиты, заброшенные гранатами сверху. А вот раненые радист и лейтенант угодили в русский плен. В остальных двух группах пленных не было, американцы отстреливались до конца, добивая своих раненых. Четвертую группу пока взять не получалось, но разведчики из 211-го полка совместно с подоспевшими пограничниками прочно сели ей на хвост. Они гнали ее непрерывно на юго-запад, отжимая от дорог и побережья, в горы, прижимая к склонам Виллючинской сопки.

02 ноября, местное время 07:30. Камчатка. Четыре километра на северо-восток от города Усть-Большерецка, временный лагерь военнопленных

Дорогу от места своего пленения Джон сначала воспринимал как досадное неудобство, все-таки ехать на голых обледеневших досках в открытом кузове допотопного грузовика, да еще в промокшем летном комбинезоне, – не сахар. А с учетом того, что это происходит в ноябре, на Камчатке, под морозящим дождем, идущим напололам со снегом, очень даже далеко не сахар. Никакого сравнения с мягким сиденьем «Шевроле-Корвет» во Флориде. К

окончанию пути Маккейн уже думал, что русские просто начали таким изощренным образом их пытаться. Не хватало только следователя с его дурацкими вопросами. Уже через час такой езды все три американца сбились в кучу в центре кузова, пытаясь хоть как-то согреться, но все было тщетно. Все конвоиры сидели на лавках, возле кабины, закутавшись в свои теплые шинели. На американцев они обращали внимание только тогда, когда кто-то из пилотов пытался встать или просто подползти к бортам грузовика. Реакция конвоиров была стандартная, короткий окрик, в случае дальнейшего непослушания следовал сильный удар прикладом. Несколько таких попыток было достаточно для измученных и замерзших пилотов, дальше они старались просто держаться друг за друга, экономя остатки сил и тепла. Несколько раз Маккейн проваливался в забытие, он уже не мог понять, засыпает или теряет в очередной раз сознание.

А дорога все не кончалась. Минуты текли, превращаясь в часы, а грузовик все неспешно ехал по дрянной, испещренной выбоинами дороге, увозя пилотов в глубь огромной и дикой Камчатки. Уже давным-давно упала на дорогу мрачная темнота. Узкие слабые полосы света от фар, в которых кружился непрерывный хоровод все еще падающего снега, только подчеркивали окружающий мрак. А холод все усиливался, пробирая до костей. И наконец, когда уже Джон готов был продать не только все секреты, которые знал, но и саму свою душу, кому угодно, хоть черту, хоть коммунистам, всего за одну только кружку горячего чая, грузовик остановился. Но пилоты к тому моменту уже не могли встать, измученные и замерзшие, они только слабо шевелились в кузове, бессильно пытаясь распрямить скрюченные и застывшие от холода конечности. В конце концов разозленные конвоиры просто откинули задний борт и пинками и прикладами спихнули сбившихся в бесформенный клубок американцев на землю. Прямо под ноги подошедшему офицеру.

– Ну-ну, и кто на этот раз почтил своим прибытием наше скромное заведение? – на почти безупречном английском поинтересовался он.

Но измученные пилоты даже не смогли разговаривать, только Маккейн из врожденного упрямства попытался выдавить из себя что-то вроде «пошел ты к черту», но из замерзшего горла вырвался лишь какой-то бессвязный хрип.

– Опять невежливые гости попались. Но у вас будет время поговорить со мной, – с коротким смешком произнес офицер и уже на русском, обратившись к старшему из конвоиров, коротко бросил:

– Все документы на пленных – мне, этих к врачу в медпункт, пусть осмотрит.

И опять повернувшись к пленным, равнодушно произнес, снова на английском:

– Не надейтесь сдохнуть, янки. Здесь можно умереть только с моего разрешения.

Через час все трое, уже на своих ногах, входили в мрачное длинное здание, изнутри освещаемое лишь несколькими узенькими зарешеченными оконцами. Оказавшись внутри, Джон испытал настоящий шок! Внутри барак казался еще длиннее, дальней стены вообще не было видно, из-за висевшего в бараке густого тумана, состоявшего из пара и человеческих миазмов. Густая какофония запахов мочи и немытых тел ударила по обонянию Джона, как дубинка по голове. Но больше всего Джон был потрясен не этим. В бараке тесно стояли двухъярусные ряды нар. Даже на первый взгляд их было больше полусотни. И практически все они были заняты! На всех сидели или лежали люди, и на них была пусть грязная, пусть оборванная, но американская военная форма. Джон ошалело потряс головой: откуда у русских столько пленных?! Рядом раздался надрывистый кашель, а потом изумленный хриплый голос пилота «Виджилента», с которым они только что мерзли в кузове грузовика:

– Разгрызи меня черт, до этой секунды я думал, что мы побеждаем в этой сраной войне.

Глава 2

Мертвые сраму не имут

02 ноября, местное время 07:50. Камчатка. В небе над южной частью Авачинского залива

Капитан Лысюра, как самый старший из оставшихся пилотов, готовил 865-й истребительный авиационный полк в последний бой. Точнее сказать, то, что осталось от полка, десяток разношерстных самолетов. А то, что бой будет для всех последним, капитан не сомневался. Он вспомнил, как два часа назад, на предполетном инструктаже, перед ними выступил полковник Калинин. Полковник был до войны заместителем начальника отдела оперативно-тактической подготовки ВВС КТОФ, а сейчас вместе с этим занимал должность командующего ВВС Камчатской военной флотилии, прежний командующий погиб вчера вечером вместе со всем руководством 191-й зенитной ракетной бригады, когда американцы утюжили позиции ракетчиков. К концу ночи все оставшиеся самолеты полка были собраны в капонирах Елизовского аэродрома, почти все остальные аэродромы были уже неоднократно перепаханы американскими бомбами и ракетами. Да и в Елизово основная бетонка была повреждена, уцелела только длинная рулежная полоса, тянувшаяся почти вдоль всей взлетки. Да и то потому, что какая-то светлая голова додумалась нарисовать на ней серо-черной краской большие круги, с воздуха точь-в-точь, похожие на воронки от бомб. Полковник, собрав пилотов в одном из пустующих капониров, просто сказал:

– Товарищи офицеры! Я, по идее, должен сейчас сказать что-то торжественное и величественное, но не буду этого говорить. Вам предстоит сделать невозможное. Через час все наличные самолеты полка должны обеспечить удар по кораблям американского десанта. Во-первых, связать или отогнать имеющееся воздушное прикрытие десанта. Во-вторых, не допустить американцев к нашей ударной группе. Минимум на десять минут, чтобы им хватило времени беспрепятственно сделать два захода на корабли.

Капитан Венедиктов, тоже уцелевший в этой ужасной мясорубке, с легкостью лесного пожара пожиравшей эскадрильи самолетов и десятки пилотов, спросил:

– Ударная группа? А кто будет в ее составе?

– Все остальные боевые машины, имеющиеся на Камчатке, – жестко ему ответил Калинин. – Пара Ил-28 из 867-го гвардейского минно-торпедного авиаполка и четверка МиГ-17 из 777-го истребительного полка ВВС. МиГ-17Ф 777 полка не имеют РЛС, и поэтому отправлять их с вами в ночной воздушный бой, да еще над морем, не имеет смысла. А вот опыт ударов по наземным, вернее, в данном случае, надводным целям у них есть. Конечно, только в том случае, если бомбардировщики пойдут с ними как лидеры и выведут их на корабли. Сами МиГи со своим примитивным оборудованием могут и не найти десант в море. Я понимаю, что шестерка самолетов, четыре из которых маленькие истребители, это не тот наряд, который нужен для разгрома десантного конвоя. Но если этот наряд повредит или утопит хоть один корабль, тогда нашим войскам будет хоть немного, но легче, когда десант дойдет до места высадки. Вы все понимаете, что будет с мирным населением, если янки захватят Камчатку.

Понимали все. После недавних событий, когда американские самолеты потравили отравляющими газами больше половины населения в поселках вдоль трассы от Дальнего до Усть-Камчатска с той обыденностью, как травят на кухне тараканов, иллюзий в отношении своих врагов никто из советских военных не испытывал.

И поэтому пилоты перед тем, как занимать места в кабинах, между собой договорились. Они будут драться, не выходя из боя, до последнего. До предела, в конце концов, как стало

ясно из данных радиоперехвата, один Як из эскадрильи Хвалькова уже таранил врага в бою позавчерашней ночью.

Командир и начальник штаба полка тоже погибли этим вечером, при очередном американском налете на Елизовский аэродром. Из состава полка осталось в строю два капитана, все из пилотов. Лысюра и Венедиктов. И капитан Лысюра, как самый старший и самый опытный, приняв командование, приказал идти на взлет. Если бы истребители взлетали по основной полосе, как прежде, можно было бы стартовать сразу четверками, габариты основной полосы легко позволяли так делать. Но по узкой рулежке самолеты стартовали гуськом, друг за другом. Из-за этого самолеты чуть замешкалась, собираясь вместе. Их было немного, машин, оставшихся в строю 865-го истребительного полка, четверка МиГ-17ПФ, возвращенная сегодня ночью с аэродромов и площадок рассредоточения на севере. Возглавлял ее бессменный лидер с начала войны, капитан Венедиктов, пилот, сумевший не только уцелеть при первой внезапной атаке американцев на остров Беринга, но и сбить в неравном бою штурмовик противника. Ведомым у него шел старший лейтенант Автушко, тоже уже записавший на свой счет трех врагов. Пара Як-25М, всего пара, все, что осталось от сумасшедшего, отчаянного ночного боя над морем, где вторая эскадрилья Елизовского полка пыталась прикрыть наши ракетные катера. Из этого боя вернулся только старший лейтенант Хвальков и его ведомый. Хвальков в итоге стал первым асом в полку, на его счету уже шесть сбитых американцев, причем один самолет ДРЛО. И наконец, сам капитан Лысюра и четверка, которая уже получила прозвище «везунчики», на МиГ-19ПМ, единственных в полку самолетах, которые хоть как-то могут быть сравнимы по скорости и высоте с новыми палубными истребителями американцев. Все пилоты «девятнадцатых» тоже уже имели на своем счету сбитых американцев, а Лысюра и вовсе сбил пятерых, став вторым асом в 865-м полку.

Как и было условлено заранее, самолеты прошли над озером Халактырка, выходя на берег Авачинского залива в кромешной тьме. Лишь только далеко на востоке небо постепенно меняло цвет, превращаясь из черного в грязно-серое.

Советские самолеты шли в довольно плотной группе, над самой водой, держа расстояние между машинами не более ста метров. Экипажи вели машины по приборам, РЛС включать Лысюра строго-настрого запретил, что усложняло задачу и требовало значительного мастерства от пилотов. Но летчики 865-го полка ПВО, выполнявшие такие полеты и в мирное время, справились и сейчас, сумев проскочить незамеченными буквально под носом у американцев, пройдя севернее и ниже группы американских самолетов, патрулирующих вход в Авачинскую бухту. Оставаясь не обнаруженными дежурным самолетом ДРЛО, патрулировавшим в пятидесяти километрах от береговой линии, Лысюра вел группу, все время смотря на часы и карту, одновременно выдерживая точно скорость семьсот километров в час, только так можно было попасть в квадрат, где, по уверениям офицеров разведки, ожидался американский десантный конвой. Вернее, в зону перед конвоем. С одной из немногих уцелевших советских РЛС была замечена группа самолетов, патрулирующая над морем, вдобавок она неспешно и постоянно приближалась к берегу Камчатки. И, по мнению командования, эта группа и была воздушным прикрытием конвоя. Лысюра вздохнул, вылет остатков советской авиации спланирован на сплошных теориях, догадках и предположениях. А им необходимо еще и скоординировать свои действия с ударной группой, иначе вся сложная и неуклюжая, наскоро придуманная схема налета пойдет сразу наперекосяк. Его группа через минуту-другую будет в заданном квадрате, где же кодовый сигнал от лидера ударников?

В эту самую секунду командир бомбардировщика Ил-28, бортовой номер 19, из состава 867-го минно-торпедного авиационного полка, который и лидировал в ударной группе, услышав от штурмана одно слово: «Время», бросил в эфир короткую фразу: «Точка один». Лысюра ответил не менее лаконично: «Я – сто первый, принято». И потом, обращаясь к своим истребителям: «Внимание, я – сто первый, всем вверх, курс и эшелон по плану». Еще договаривая

эти слова, он перевел РУДы на полный газ, одновременно потянув ручку на себя. И включил РЛС на прогрев. Если никто из его летчиков не замешкается, через несколько минут на высоте его истребители образуют своеобразную этажерку, его четверка МиГ-19 будет на семи тысячах, четверка МиГ-17 Венедиктова на пяти, с отставанием на пару километров, и пара Яков Хвалькова еще ниже и позади, отставая от МиГов примерно на такую же дистанцию.

Оператор самолета ДРЛО E-1B US NAVY изумленно увидел, как прямо у него под носом, буквально в двенадцати километрах, быстро поднимается четверка вражеских самолетов, судя по размерам засветки и скорости, истребителей. Как будто они вынырнули из темного океана внизу. Как чертики из коробочки с сюрпризами, которые дети так обожают в виде подарков на Хэллоуин. Но эти сюрпризы могут оказаться для них смертельными. Опомнившись, он поднес микрофон ко рту:

– «Папа Джеймс», я – «Следопыт», прямо передо мной, в шести милях четыре «бандита», идут с резким набором высоты, курс 85! Отставить четыре, шесть, нет, черт возьми, их уже восемь!

– Принято, – отозвался дежурный офицер ситуационного центра на «Форрестале». Обернувшись к оператору, сидевшему рядом, он спросил:

– Где там дежурная команда наших земноводных друзей?

Флот и Корпус морской пехоты, US NAVY и MARINES, были извечными соперниками с момента образования Корпуса морской пехоты, с изначальных времен, когда 10 ноября 1775 года, Конгресс США принял резолюцию об образовании Корпуса, как самостоятельного рода войск. Это соперничество принимало самые разнообразные формы, от таких вот подначек и прозвищ, зачастую обидных, до драк в барах на уровне отношений личного состава на рядовом и офицерском уровне. И до серьезных подковерных сражений между адмиралами и генералами в Пентагоне и том же Конгрессе, особенно когда речь шла о дележке очередного военного бюджета США. Далеко не всегда флот выходил из этих бумажных битв победителем. Чего стоил один только Закон о национальной безопасности США от 1947 года, по которому Корпус морской пехоты должен иметь в своем составе в мирное время не меньше трех дивизий (с частями усиления и обеспечения) и трех авиакрыльев армейской авиации. В то же время как двумя годами позже Конгресс отменил постройку уже заложенного авианосца «Юнайтед Стейтс» и заказ на еще четыре авианосца такого типа. Конечно, главную роль в отмене программы строительства пяти таких исполинов сыграли ВВС со своим стратегическим огромным бомбардировщиком В-36, но и Корпус «подгадил», требуя на содержание и перевооружение своих трех авиакрыльев немаленькие суммы. А где сейчас эти задаваки из ВВС со своими хваленными В-36? Вытирают морды, разбитые до кровавых соплей русскими на своих уцелевших базах, а эти навороченные дорогостоящие игрушки В-36 вообще списаны до войны, как устаревшие. А флот должен делать за них всю работу. И как бы сейчас пригодился в составе «Таффи» еще один авианосец, да еще такой большой, как «Юнайтед Стейтс»! Эти мечты офицера прервал доклад оператора связи:

– Группа будет над ордером десанта через двадцать одну минуту. В группе один «Скайрейдер» в варианте ДРЛО и десять «Крестоносцев», шесть в ударном варианте, четыре в чисто истребительном.

Морпехи, как всегда, основательно готовились к своей высадке. Ударные группы раз за разом утюжили район, в котором должны будут высадиться на берег «дубленые загровки», находя и уничтожая все новые и новые цели красных. Полчаса назад шестерка «Крестоносцев» Корпуса все-таки обнаружила и уничтожила еще две башенные береговые артустановки, которые утопили лидер «Маккейн» этой ночью.

Вообще-то, по-хорошему, у берегов Камчатки сейчас нужно было иметь два самолета ДРЛО, один для контроля воздушного пространства и координации своих действий в районе баз красного флота, а другой – чисто для потребностей десанта. Но «Следопыты» из эскадрильи

VAW-12, базировавшиеся на «Форрестале» понесли потери, а оставшиеся на берегу самолеты еще не прибыли в восполнение урона. Уменьшать же количество «Трейсеров», задействованных в патрулях обороны АУГ, адмирал категорически запретил. Поэтому сейчас над побережьем Авачинского залива был всего один «Следопыт», который разрывался между задачами по охране ордера десанта и отслеживанием воздушной обстановки в квадрате Вилючинск – Халактырка – Елизово – Коряки, где и были основные аэродромы Советов на юге Камчатки. И судя по всему, есть все шансы потерять и этот «Трейсер», и это в его смену! Черт бы побрал этих русских, откуда вообще взялись эти истребители, если еще три часа назад умники из G-2 торжественно рапортовали о том, что у Советов на камчатских аэродромах вообще не осталось истребителей? В прикрытии «Следопыта» была пара «Демонов», но восьмерку русских истребителей это не остановит.

Офицер еще раз пробежался взглядом по планшету. Что у него есть в этом районе? Шестерка и четверка «Скайрейдеров» наносят удары, одна по Вилючинску, другая по единственной дороге к зоне высадки. Бросать «Толстых собак» против истребителей красных бессмысленно. Восьмерка «Скайхоков» летит на удар по Елизовскому аэродрому. Но она в ударной конфигурации. Без ракет «воздух – воздух». Еще есть четверка «Крестоносцев», возвращается после налета на коммуникации русских у Северных Коряк. И вроде бы у нее на подвесках осталось по паре «Сайдвиндеров». Короткий диалог с ведущим этой группы отпадает, у них слишком мало топлива, хватит на прибытие в район, где находится «Следопыт», если идти на форсаже, на бой с русскими истребителями уже нет. А что у нас с заправщиками? Один только что отдал все топливо дежурной группе, которая «пасет» русский флот у входа в Авачинскую бухту, другой еще на палубе, не успеет. «Сдернуть» дежурную группу? А вдруг это еще одна хитрая комбинация красных, и русские ракетные катера только этого и ждут? А если они вырвутся из бухты и успеют подойти к транспортам десанта на дистанцию пуска своих чертовых ракет? Сорванными погонями лично он тогда не отделается. «Земноводные» к «Трейсеру» не успевают, даже если бросят свой тихоходный ЕА-1Е и пойдут на форсаже, к тому же потом им тоже срочно будет нужен заправщик.

Другого выхода нет, придется снимать четверку «Демонов» с воздушного прикрытия десантного ордера. Во-первых, ей лететь ближе всех, во-вторых, эта группа красных самолетов... не имеет ли она своей целью удар именно по десантному соединению? Ведь от места патрулирования «Следопыта» до точки, в которой десант сейчас, всего пятнадцать миль? Четыре плюс два, шесть «Демонов» против восьми «бандитов» красных, нормальный расклад, парни смогут связать боем силы красных и продержаться двадцать минут до прибытия «Крусейдеров» из Корпуса. А на добивание «бандитов» сейчас подниму с палубы два звена новых «Фантомов». Чтоб никто не ушел и на Камчатке не осталось наконец русских истребителей. Реально, а не по сводкам G-2.

Капитан Лысюра мимолетно обрадовался, пока все шло по плану, на экране РЛС пара отметок, висевшая выше на несколько километров над еще одной отметкой, яркой и медлительной, ускорила и пошла его группе навстречу. Так, его четверка сейчас примет эту пару в лобовую, они будут отворачивать со снижением. Короткая команда четверке МиГов капитана Венедиктова, пусть выделит пару для боя с этими американцами, оставшаяся пара пусть идет, не меняя высоты, за его четверкой. Навстречу еще четверем отметкам, вот они уже показались на экране, слабые, но это точно вражеские истребители и точно идут им навстречу. Отставшая пара Яков старшего лейтенанта Хвалькова сначала должна прикончить самолет ДРЛО, никем другим вот та медленная и яркая отметка, летящая сейчас на малой высоте курсом на север, не может быть. А потом идти на помощь его группе, пара МиГов из группы Венедиктова должна справиться сама. Капитан бросил в ларингофон:

– Всем форсаж! Сейчас очень важно не дать американцам соединиться.

Он уже видел, что дальняя четверка не успевает, к тому же вроде бы они отклонились к северу? Ну, точно, наверное, они считают, что наша цель – этот самолет ДРЛО! Значит, ударную группу до сих пор не обнаружили? Или просто управление и связь у американцев не так хороши, как им все время говорили? Тем хуже для них.

Две группы истребителей стремительно сближались. Четверка МиГ-19 Лысюры, плавно набирая высоту, перешла звуковой барьер, быстро отрываясь от менее скоростных МиГ-17ПФ капитана Венедиктова. Хотя МиГи Венедиктова шли уже на форсаже и в горизонтальном полете, расстояние между четверками все время росло, и по горизонтали, и по высоте. Пара «Демонов» из авиакрыла «Лексингтона», наоборот, снижалась, развила максимальную для этой машины скорость, чуть больше тысячи километров в час. В это время на высоте больше шести километров было уже почти светло, солнце еще не взошло, но восток окрасился ярким, жемчужно-розовым светом. И на этом светлом фоне самолеты американцев уже четко были видны визуально, как две черных мухи на белом листе бумаги. Капитан обернулся. На западе небо еще было мрачно-синего цвета, и чем ниже, тем темней. Значит, американцы их не видят визуально, и уж точно не видят никаким образом пару Яков Хвалькова, которая идет за ними значительно ниже. Когда между противниками осталось не более пяти километров, капитан Лысюра нажал кнопку на ручке управления самолетом, выбрав при помощи устройства управления вариантами стрельбы ПУВС-5 единичный пуск. Капитан отлично знал, что ракета РС-2У в таком случае наверняка уйдет в молоко.

Тремя минутами ранее «Скайхоки» накрыли ракетно-бомбовым ударом КДП 865-го истребительного полка, заодно превратив в горящие обломки РЛС П-12, развернутую неподалеку. Сам КДП, расположенный под землей, в защищенном бункере, уцелел. Уцелели и проводные защищенные каналы связи, проложенные в бетонных трубах, на глубине два метра под землей. И сейчас связисты и диспетчерская служба полка срочно восстанавливали управление боем, устанавливая новые радиоантенны и вводя в действие запасную РЛС, развернутую на Второй горке, что по дороге из Елизово в Паратунку. Но пока группа капитана Лысюры осталась без внешнего наведения.

Расчет Лысюры оказался верным. Увидев на темном фоне яркую вспышку старта ракетного двигателя, пилоты обоих «Демонов» занервничали. Саму ракету и самолет, с которого она была пущена, они на этом фоне не могли различить, но она оставляла за собой заметный шлейф светло-серого дыма, который огромным щупальцем тянулся к ним. И американцы шарахнулись в стороны. Причем не согласованно, один ушел резко вниз, рассчитывая проскочить под ракетой, второй заложил крутой вираж вправо, с небольшим снижением. В принципе, оба решения, по идее, были верными, так как давали возможность обеспечить максимальную угловую скорость смещения самолетов относительно вектора полета ракеты, но в запарке американцы неверно оценили расстояния и скорости сближения до второй четверки МиГов, которой командовал капитан Венедиктов. На оценку ситуации и принятие решения Венедиктову потребовалась всего пара секунд. Решено, он «берет» противника в развороте, Автушко «берет» нижнего. Грех не воспользоваться таким подарком. Оставшаяся пара МиГ-17ПФ идет дальше, за МиГаами капитана Лысюры. Несколько команд, и четверка МиГов разделилась.

Тем временем на эсминце «Мэхан», возглавлявшем ордер охранения десантного конвоя, уже разобрались со странной отметкой на радаре, которая приближалась к ним с юго-запада. Вернее, это ударная группа начала маневр расхождения и уклонения при входе в зону корабельного ПВО. Еще полминуты понадобилось американцам, чтобы связаться с самолетами воздушного прикрытия и понять, что самолеты эти вот-вот ввяжутся в бой с противником, вот только противник совсем не тот. Еще минута ушла на то, чтобы в ситуационном центре TF-72 смогли это осознать. Как раз в это время в центре появился адмирал Холлоуэй. Он сразу понял серьезность происходящего.

– Так, – он начал командовать, обращаясь к дежурному офицеру. – Срочно отправь в квадрат десантного ордера пару «Фантомов» из прикрытия юго-западного дозора ДРЛО. Замену им готовь из ангаров «Форрестола». Пусть идут максимально быстро. Все истребители, что сидят на палубе в готовности один – туда же. Свяжись с морпехами и настоятельно попроси... – тут адмирал поморщился, командующему авианосной группой просить Корпус о воздушном прикрытии, такое в штабах ему долго будут припоминать, – попроси их идти на прикрытия конвоя максимально быстро. Если даже для этого надо сбросить бомбы на внешних подвесках, пусть сбросят. В конце концов, на десантных транспортах идут подразделения Корпуса. И срочно готовь два, нет, четыре заправщика. Как только палубы очистят истребители, поднимай их и отправляй к этому району.

Тем временем четверка Лысюры уже сблизилась в лобовой атаке с четверкой «Демонов» воздушного охранения конвоя. В трех километрах позади и на километр ниже пара МиГ-17 отчаянно пыталась успеть к завязке воздушного боя. Командир американской группы уже слышал отчаянные призывы с эсминца «Мэхан», вокруг которого начала свой смертоносный танец ударная группа русских самолетов. Но если он сейчас отвернет, русские МиГи тотчас вцепятся ему в хвост, поставив его самолеты в очень невыгодное положение. Самолет ДРЛО, на прикрытия которого их, собственно, и сдернули из охранения конвоя, улепетывал на север, полого снижаясь, чтобы выжать дополнительные несколько узлов к своей невысокой максимальной скорости. Но на пересечку ему шло еще два «бандита», и, судя по всему, они его накроют через несколько минут. В итоге, мрачно понял флайт-лейтенант, они купились на хитрую комбинацию русских и не смогут теперь защитить никого. Уберечь бы свою шкуру. Четыре американских и четыре советских машины сошлись на встречных курсах. МиГи не стреляли, а вот американцы молотили из всех стволов. Пилоты МиГов бросали свои машины из стороны в сторону, в который раз матеря конструкторов, благодаря которым на модификации МиГ-19ПМ не осталось ни одной пушки. В бескрайнем небе неожиданно стало очень тесно от пушечных трасс, и ведущий второй советской пары наткнулся на одну из них. МиГ, еще секунду назад бывший быстрой серебристой машиной, превратился в комок горящего металла, беспорядочно закувыркавшийся вниз. Но радостные крики американцев, поздравлявших друг друга с удачным попаданием, быстро смолкли; едва проскочив мимо тройки оставшихся МиГ-19, они увидели еще два идущих навстречу самолета. Русские шли ниже, задрав носы и интенсивно набирая высоту.

– Высоту не снижать, проходим над ними, не ввязываясь в догфайт! Они не стреляют в переднюю полусферу, значит, это ракетные «Фармеры». Когда пройдем над ними, по моей команде, правый разворот без снижения, с увеличением тяги, чтобы не терять энергию. И снова выходим «бандитам» в лобовую, строй не ломать и не уходить, у них преимущество в скорости, все равно догонят и собьют! – азартно кричал командир американской четверки своим пилотам, пытаясь донести до них свой рисунок боя. Оставаться на высоте, не терять энергию и все время встречать угрозу в лобовой атаке, только так можно эффективно противостоять противнику с ракетным вооружением, если он имеет превосходство в скорости, но не имеет пушек.

Но не успел он закончить свою фразу, как носы МиГов, смутно видимых на фоне еще темного моря, расцвелись вспышками выстрелов. Флайт-лейтенант ошибся, решив, что вся шестерка русских состоит из однотипных самолетов. И за эту ошибку расплатился его ведомый, получив два 23-миллиметровых снаряда в плоскость правого крыла. Один снаряд начисто оторвал законцовку крыла, второй, разорвавшись рядом с пилоном № 4, на котором висела ракета «Спарроу» AIM-7C, проделав в крыле дыру в полметра, изрешетил и пилон, и ракету. Масла в огонь добавил пробитый несколькими осколками двигатель ракеты, он сначала задымил, а потом и вовсе загорелся. Кувыркнувшись один раз вокруг своей оси, «Демон» все-таки удержался в полете. Пилот сбросил поврежденную ракету и выровнял машину. Дыма и снижаясь, поврежденный американец начал тянуть до внезапно ставшей такой далекой и трудно-

достижимой палубы. Ведомый МиГ-17 было дернулся вдогонку за подранком, но увидевший это боковым зрением Лысюра, чья тройка МиГов уже была в боевом развороте, прокричал в микрофон:

– Триста пятый, преследование запрещаю!

И в самом деле, если они будут кидаться на добивание поврежденных самолетов, другие истребители могут прорваться к ударной группе. А истребителей у американцев, как у дурака махорки, полных три палубы. Но движение русского МиГа в сторону своего поврежденного ведомого не осталось незамеченным и командиром американцев. Только выводы он сделал из этого совсем противоположные. Выделив вторую пару для сопровождения подбитого пилота, флайт-лейтенант сам решительно развернулся со снижением на пару МиГ-17. Капитан Лысюра, увидев эту ситуацию, довольно усмехнулся. Все шло по плану, более того, некоторые действия американцев отлично укладывались в его рамки. Сейчас надо оглядеться, если других самолетов противника нет, тогда он своей тройкой поможет нижней паре быстро разделаться с этим отчаянным американцем. А вот если есть... Словно подтверждая его опасения, в наушниках прорезался голос руководителя полета:

– Сто первый, я вышка, к тебе гости: группа целей от шести до двенадцати в квадрате 33–40, дальность 55, высота 10, скорость 900, курс 180. Вторая группа: две цели в квадрате 29–46, дальность 90, высота 14, скорость 2000, курс 155.

Отчаянные усилия технических служб наконец увенчались успехом, связь с резервной РЛС была налажена и управление боем восстановлено. А вот у американцев, оно, наоборот, было в этот момент потеряно. Пара Як-25М, ведомая старшим лейтенантом Хвальковым, наконец настигла удирающий «Tracer». Против четырех 30-миллиметровых пушек у тихоходного и безоружного самолета ДРЛО не нашлось никаких аргументов, и вскоре он, горя и разваливаясь, упал в свинцово-черные воды океана. А у пары капитана Венедиктова дела не заладились. Поначалу все шло хорошо, капитан успел настичь выходящего из виража американца, уже визуально опознав его как палубный истребитель «Демон». Еще чуть прибавить газу, поднять нос, чуть повернуть, и вот уже серебристая вражеская машина, с вертикальными черно-желтыми полосами на фюзеляже и большой буквой «Т» на руле направления скользит у капитана в прицеле. Короткая очередь, и «Демон», получив целых три снаряда в центроплан, загорается, и, заваливаясь набок, проваливается вниз. Из отвалившегося фонаря, в дыму и вспышке пламени от сработавших пиропатронов, вылетает кресло катапульты с пилотом. С этим все.

А где Автушко, как у него дела? Венедиктов, положив машину на крыло, старался разглядеть происходящее внизу. Солнце всходило, и в небе становилось светлее с каждой секундой. Может быть, поэтому лейтенант Автушко, выходя с набором высоты на перехват пикирующего в уклонении от ракеты «Демона», промахнулся. Снаряды прошли рядом, буквально в каких-то сантиметрах. Вышло так, что едва вставшее солнце светило лейтенанту прямо в глаза. Американец отреагировал сразу, он выстрелил кассету с дипольными отражателями, его истребитель, увернувшись от очереди МиГа, тут же заложил боевой разворот. А вот лейтенант, что называется, «ступил». Видя, что трассеры его снарядов буквально «облизывают» характерный, с «бородой» воздухозаборника, силуэт американца, а потом от него отлетают какие-то многочисленные куски, дающие очень большие засветки на РЛС, он решил, что попал. И поэтому сначала сбросил скорость, переведя РУД в нормальный режим, а потом начал закладывать плавный разворот, да еще с набором высоты, чтобы не спеша развернуться и посмотреть, упал американец, или его еще надо добивать. Тем временем «Демон», уже развернувшись, заходил лейтенанту в хвост. Вот эту благодатную картину и увидел Венедиктов сверху. Времени, чтобы что-то сделать самому, у него уже не было, он успел только отчаянно крикнуть в ларингофон:

– Четыреста пятый, у тебя на хвосте янки!

И в следующую секунду пилот «Демона», ухмыляясь, нажал на гашетку. Но, к его удивлению, русский «Фреско», как верткий чертик, ушел вправо. Хотя нет, не совсем ушел, один

20-миллиметровый снаряд все-таки попал в концевую часть левого крыла МиГа, вырвав из нее кусок размером с пару квадратных футов. «Ну, ничего, сейчас я его дожму», – с мрачным удовлетворением подумал флайт-лейтенант. Но когда уже отчаянно уклоняющийся, с дымящейся дырой в крыле, «Фреско» наконец-то вплыл в прицельный маркер, американец по вбитой намертво еще в летной школе привычке оглянулся назад. И мгновенно вспотел от страха – сверху и сзади на него «валился» еще один МиГ-17. В следующее мгновение «Демон» заложил полупетлю со снижением, и смертоносный танец двух самолетов закрутился с новой силой.

Капитан Венедиктов еще только положил палец на гашетку, как американский пилот, будто почуяв его взгляд, увернулся в сторону со снижением. И он пошел за ним в вираж. Оба пилота довольно хорошо знали возможности машины своего противника. Летчики 865-го авиаполка ПВО в прошедшие годы неоднократно вылетали на перехват наглых американцев, то и дело крутившихся возле государственных границ СССР и нередко нарушавших ее. В большинстве своем на советскую территорию обычно лезли разнообразные разведчики, от устаревших RB-29 и RB-50 до новых RB-47 и палубных RA-3, но зачастую американцы устраивали целые хитроумные комбинации. Например, сначала такая же пара или четверка «Демонов» начинала летать вдоль госграниц, то и дело «чиркая» по «ленточке» и залезая на советскую территорию, а тем временем в другом квадрате разведчик пытался проскочить вглубь СССР, пользуясь тем, что дежурное звено Елизовского авиаполка уже занято вытеснением американских истребителей.

Так что игра в «кошки-мышки», по выражению советских пилотов, или «угадай, кто цыпленок», по выражению пилотов американских, была в прошедшее мирное время довольно частым событием. И в этой игре случалось всякое, вплоть до интенсивных воздушных столкновений, впрочем, очень редко доходящих до стрельбы, даже предупредительной. Но оценить маневренные и скоростные качества своих визави могли и русские, и американцы. На вертикалях МиГ-17ПФ превосходил F-3B и F-3C. Превосходил он его и в тяговооруженности. И в максимальной скорости, совсем немного. По вооружению МиГ уже проигрывал, имея две пушки калибра 23 миллиметра против четырех калибра 20, вдобавок у последних модификаций «Демонов» были ракеты, по четыре «Спарроу» у F-3C или по четыре «Сайдвиндер» у F-3B. А вот в бою на виражах эти машины были примерно равны, большая тяговооруженность МиГа компенсировалась более продвинутой аэродинамикой «Демона» и лучшей механизацией крыла. Так что здесь все решало мастерство пилота или, как говорили летчики обеих стран, «прокладка между креслом и ручкой управления».

Автушко поначалу тоже решил остаться в бою, ведь два против одного – это совсем другой расклад, чем один на один. Но первая же попытка заложить боевой разворот привела к тому, что его МиГ перевернулся, едва не сорвавшись в штопор. Он еле сумел удержать машину, она все время норовила свалиться влево. Капитан Венедиктов, казалось, видевший все вокруг, прокричал ему по радио:

– Четыреста пятый, уходи.

И в самом деле, в начавшейся собачьей свалке лейтенант на серьезно поврежденном самолете был только помехой. А драка начиналась нешуточная. Оба пилота, и русский, и американец, считали себя лучшими. Американец априори, по принадлежности к палубной авиации US NAVY, которая и в мирное время считала себя круче всех в Америке. А как известно всем, кто смотрит CBS или слушает NBS, американские пилоты – лучшие в мире. Русский капитан был в корне не согласен с этой точкой зрения. Во-первых, он никогда не смотрел CBS, а во-вторых он уже сбивал самолеты этой самой элитной палубной авиации, что позволяло ему рассчитывать на успех и в этот раз.

Следующие пять минут показались капитану Венедиктову длиною в целую жизнь. Тело было мокрым, он отчетливо ощущал, как пот стекает по ногам в ботинки летного комбинезона. В глазах периодически темнело от перегрузок, но он никак не мог загнать этого про-

клятого «Демона» в прицел. Более того, пару раз ему чудом удавалось выскользнуть из-под атаки американца. Раньше бы он удивился, ну как такой большой самолет, почти в полтора раза больше и в три раза тяжелее, может быть таким маневренным. Или в нем сидит действительно хороший пилот? Может быть, попробовать затянуть этого янки вниз, на малую высоту? А то они вдобавок видны всем желающим очень издалека. А к кому первому придет помощь, у Венедиктова сомнений не было. Единственные советские самолеты здесь – это пара Яков и шестерка МиГов капитана Лысюры, нет уже пятерка. И они все стягиваются на перехват новых групп американцев, радио сегодня работало отлично. Уйти с набором высоты на форсаже от американца вверх? Но он тогда рискует получить от него ракету в хвост, это сейчас, когда они крутятся на виражах, накоротке, так близко, что можно читать надписи на самолете противника, и ракеты «Спарроу» висящие под крыльями у янки, бесполезны. Слишком велика угловая скорость цели, и они, если американец и надумает их пустить, сразу уйдут из-за перегрузок в «молоко». И еще от этого чертового «Демона» нельзя отрываться, в нескольких десятках километрах к югу происходит сейчас самое главное, для чего они и пошли на почти верную смерть, атака ударной группы на десантный конвой противника. Подпускать истребитель противника с четырьмя ракетами к ним ему совсем нельзя. Значит, будем крутиться в собачьей свалке по-прежнему, только вот надо спуститься пониже. И незаметней для всех остальных они будут, и оторваться в случае чего будет проще, на фоне беспокойного моря радиолокационное оборудование работает плохо, без разницы, советское оно или американское, физика для всех одна. Венедиктов решительно заложил полупетлю со снижением, ему даже чуть было не удалось наконец-то зайти янки в хвост.

Но «Демон», даже, как показалось, охотно принял предложение спуститься пониже. Флайт-лейтенант все время опасался, что этот чертов «комми», неожиданно оказавшийся таким крутым пилотом, наоборот, потянет его на высоту. А потолок у его птички ниже почти на две мили, чем у «Фреско». И наверху у него могли бы возникнуть проблемы. А так они еще покрутятся на виражах, не бездонные же баки у этого русского? А он только пятнадцать минут, как заправился от «дойной коровы» с «Леди Лекс», вдобавок дальность, если он ничего не забыл, не является положительным качеством у «Фреско». Так что покрутимся, покрутимся, а потом русский будет вынужден уходить, вот тут я его и подловлю. А к конвою на выручку пусть спешат геройствовать другие. Он сегодня уже подбил одного «бандита» и связал боем второго.

А в это время чуть северо-восточнее завязывалась еще одна воздушная схватка. Первыми в район боевых действий из многочисленных американских машин успела пара новейших перехватчиков «Фантом». Не удивительно, эти машины были взяты из прикрытия РЛС-дозора ордера АУГ, им не пришлось терять время на взлет, набор высоты и построение. Успеть почти одновременно с ними могли бы «Крусейдеры» Корпуса морской пехоты, все-таки они уже летели к берегам бухт Авачинского залива для ударов по обнаруженным позициям советских войск, но они опоздали. Слишком много времени ушло на всевозможные согласования в вышестоящих инстанциях, когда наконец просьба адмирала Холлоуэя была удовлетворена. Шесть «Крестоносцев» сбросили подвески, набрав высоту, пристроились в единый боевой порядок к четырем истребителям прикрытия. Потом они начали разгоняться, с резкими хлопками перейдя звуковой барьер. Экипаж оставшегося в одиночестве ЕА-1Е, сидящий в тесной вытянутой кабине переделанного, вообще-то, из одноместного штурмовика «Скайрейдер» самолета ДРЛО, с тоской проводил стремительные тени, уходящие в западную темноту. Им, со скоростью всего 180 узлов, думать нечего было угнаться за сверхзвуковыми машинами. А с другой стороны, может, это и к лучшему? Судя по тому, что шесть «Крестоносцев» сбросили подвески, драка впереди предстоит нешуточная. И делать там неуклюжему тихоходному ЕА-1Е нечего.

Пилоты пары «Фантомов» успели выйти на связь с атакованным «Следопытом». В последний момент, буквально через несколько секунд он был сбит парой Хвалькова. Но это

сыграло свою роль, теперь «Фантомы» устремились в пологое пике, зная примерно квадрат, в котором находились «бандиты». Новейший перехватчик F-4B «Фантом-II», побивший к этому времени множество мировых рекордов, развивал максимальную скорость 2390 километров в час в горизонтальном полете. А пара с «Форрестола» в пикировании это значение даже превзошла. И не успел оператор ведущего Як-25М старший лейтенант Седых доложить своему командиру о появлении двух скоростных целей, как «Фантомы» были уже видны визуально, свалившись на Яки сверху. Если бы на «Фантомах» стояли пушки, все бы закончилось в считанные секунды, еще в первой атаке, пока Яки были в замешательстве. Но на «Фантомах» висела стандартная конфигурация перехватчика F-4B, четыре ракеты AIM-7C «Спарроу» и четыре ракеты AIM-9B «Сайдвиндер», пушек этот перехватчик не имел в принципе. А все эти ракеты можно было применять только, находясь в задней полусфере целей. Проще говоря, для пуска ракет американцам надо было сначала зайти Якам в хвост, что они и начали делать, интенсивно гася скорость. Но перехватчик F-4B, с максимальным взлетным весом в двадцать шесть тонн, хоть и летал быстрее двух махов, маневрировал как утюг, к которому по недоразумению приделали крылья. И на скорости девятьсот километров в час радиус разворота у него превосходил аналогичный параметр Як-25 более чем в два раза.

Следующие несколько минут происходила скорее пародия на воздушный бой. Когда пилоты «Фантомов» по огромному радиусу зашли, как думали, советским Якам в хвост, они обнаружили, что Яки давным-давно успели развернуться им навстречу и нагло идут им в лобовую, и до них всего пара миль. Командир эскадрильи VF-121, подполковник Браун, уже привычно вспомнив последними словами умников из McDonnell, потянул ручку на себя, одновременно прибавив обороты двигателей. Его машина плавно взмыла вверх, несколько секунд, и русские уже в полумиле внизу и даже не пытаются их достать. Слава богу, разница в тяговооруженности с русскими «Флэшлайтами» у его машины чуть ли не в два раза. Снова разворот, заход на русских, и снова они успевают развернуться раньше и встречают их в лоб. Попробовать спикировать на них сверху? Он высказал эту мысль вслух, но второй член его экипажа, оператор, сообщил ему, что СУО Аеро-1А попросту не даст разрешение на пуск по целям в таком ракурсе и с такими угловыми скоростями.

Но в бою появился новый игрок. Решив, что надо противника бить по частям и два МиГ-17 вполне могут справиться с одним «Демоном», капитан Лысюра повел свою тройку на помощь Якам старшего лейтенанта Хвалькова. Как раз пара американцев разворачивалась, чтобы снова зайти на Яки, которые все время старались оттянуться на северо-запад. К удивлению Лысюры, американцы не заметили тройку его МиГ-19 до того самого момента, когда краснотелые истребители оказались у них в хвосте. Нет, понятно, что Лысюра построил свой заход с востока, и его трудно было различить на фоне только что взошедшего солнца. Но вроде у янки всегда есть в районе боевых действий самолет ДРЛО? Или Хвальков действительно как раз только что сбил единственный наличный ДРЛО? Ну, тогда грех этим не воспользоваться...

– Я беру ведущего, сто второй, сто четвертый, пускаете по ракете по ведомому, – азартно прокричал в ларингофон капитан.

Подполковник Браун покрылся холодным потом, когда услышал нарастающий писк системы предупреждения о радиолокационном облучении с задней полусферы. Сзади встревоженно заорал его оператор, тоже услышавший эти зловещие пронзительные звуки.

– Нас атакуют сзади, три «Фармера»!

Обзор назад у нового F-4B был отвратительный, огромный гаргрот, начинавшийся от пилотской кабины и тянувшийся до самого киля, закрывал все. Им еще повезло, что МиГи появились в задней полусфере с превышением, вниз было вообще ничего не видно. Но руки Брауна действовали на автомате, наученные опытом многочисленных тренировок и учебных воздушных боев. Ручку чуть на себя, элероны враздрай, РУДы двигателей вперед, до упора. «Фантом», как породистая лошадь, рванул вперед и вверх, одновременно заваливаясь в правый

разворот с набором высоты. Слева, метрах в пятидесяти, прошел светло-серый дымный шлейф, подполковник даже увидел толстенькую кургузую ракету на острие этого шлейфа. «Совсем не похожа на наши "Сайдвиндеры" или "Спарроу", – как-то отстраненно подумал подполковник. – А ведь это могла быть наша смерть. Черт, совсем забыл, оператор же говорил про трех "бандитов". Что с ведомым?!» И тут эфир взорвался криками пилота второго «Фантома»:

– Мэй дэй, мэй дэй, я подбит, горю, двигатели теряют обороты!

– Джонни, Фил, прыгайте!

Браун хотел было еще спросить, какого черта они медлили с уклонением от ракетной атаки, но вовремя вспомнил один факт и прикусил язык. В эскадрилье VF-121 были «Фантомы» разных выпусков, а система предупреждения об облучении AN/APR-30 с антенной в обтекателе на киле была установлена только с девятнадцатой машины в серии. Планировалось на первых восемнадцати машинах установить ее позже, и это решение, вкуче с отвратительным обзором назад, уже обошлось его эскадрилье в сбитый самолет. Получается, парни вообще не знали, что они под атакой, до того момента, как получили ракету в задницу! Браун скрипнул зубами, еще один факт в копилку претензий к фирме «Мак Доннел Дуглас».

Капитан Лысюра недовольно поморщился. «Его» цель, большой истребитель с трапециевидным крылом, скошенным вниз оперением и загнутыми вверх законцовками крыльев, увернулся от ракеты. Потом вражеская машина, уродливая и красивая одновременно, резко ускорила и рванула с разворотом вверх, легко сорвав наведение ракеты. Где-то он видел такой самолет, да точно, в одном из последних выпусков журнала Министерства обороны СССР «Военный зарубежник». Там была большая статья о новом палубном перехватчике «Фантом-2», который сразу поставил с десяток мировых рекордов по скорости, скороподъемности и высоте полета. И фотография, черно-белая, но ошибиться невозможно. Слишком уж необычный вид у него, похож на огромного птеродактиля. Значит, теперь эти самолеты уже на палубах вражеских авианосцев. Плохо. А вот что хорошо, это то, что его подчиненные не оплошали, как он. И суперновый «Фантом», несмотря на свой грозный вид и впечатляющие скоростные характеристики, как оказалось, вполне себе горит и падает, так же, как и старые «Демоны» и «Скайуорриоры». Пара Яков Хвалькова, успев развернуться навстречу, обстреляла горящего американца из пушек, но это было уже лишнее. За секунду до открытия огня из кабины пилотов вылетели два темных комка, которые потом расцвели огромными куполами парашютов. Радостный галдеж летчиков его полка, воцарившийся в эфире после того, как сбили очередного американца, прервал встревоженный голос офицера с КП наземного наведения полка:

– Сто первый, вы под ударом! Более десяти целей атакуют вас, азимут 80, превышение 2, скорость 1600!

«Трындец, – мелькнуло в голове Лысюры. – И я тоже хорош, расслабился, глядя на сбитый новый истребитель противника. А ведь КП предупреждал о подходе этих целей. Они пришли раньше, чем я рассчитывал, ну значит, вышли на форсаж, у них же есть заправщики. Сейчас нас будут убивать».

Он только успел прокричать в ларингофон:

– Всем вниз!

И в этот момент на расстроенные порядки спикировал сверху целый десяток «Крусейдеров». Советские истребители оказались в том же положении, что и пара подполковника Брауна несколькими минутами ранее, только ситуация была еще хуже. Вместо тройки чисто ракетных истребителей, к тому же значительно уступавших американцам в скорости, на группу капитана Лысюры набросился целый десяток, к тому же имевший и пушки, и ракеты. И превосходящий в скорости даже МиГи-19, не говоря о Яках. Советские истребители не имели возможности ни нормально сражаться, ни уйти. Уже в первом заходе были сбиты ракетами два МиГ-19 и один Як-25. Второй Як, пилотируемый Хвальковым, сумел не только увернуться от удара, но и зацепить очередь из пушек опрометчиво проскочившего мимо концевой «Крусейдера».

Дымя и разваливаясь на лету, тот пошел вниз. Эта потеря окончательно разъярила летчиков Корпуса морской пехоты. Выделив пару разбираться с оставшимся МиГом, командир морпехов с оставшимися силами насел на одиночный Як.

Чудес на свете не бывает. Это старший лейтенант Хвальков знал давно. Как не бывает и так, что один истребитель, вдобавок устаревший и медленный, сможет выстоять в сражении с семеркой более мощных машин. Уйти тоже ему не дадут, вокруг море и никаких ущелий или распадков, куда можно было бы нырнуть и попытаться улизнуть от разъяренных американцев. Вертеться на виражах, надеясь на маневренность Як-25? Не тот случай, противников намного больше. Его все равно зажмут и расстреляют, как куропатку. И Хвальков, прокричав громко своему оператору, старшему лейтенанту Седых: «Прощай, Володя!», пошел в лобовую. Один против семи американцев. Две пушки против двадцати восьми. И когда через несколько секунд вражеские трассы, сразу с нескольких истребителей, неизбежно сошлись на его машине, он, уже умирая, захлебываясь собственной кровью, среди брызг осколков плексигласа разбитого снарядами фонаря гаснущим сознанием разглядел далекие вспышки попаданий от своей стрельбы на темном, быстро вырастающем силуэте вражеской машины. В следующее мгновение он умер. Он ошибался, это были вспышки выстрелов 20-миллиметровых пушек американского истребителя.

Покончив с этим упрямым «Флэшлайтом», командир группы «Крестоносцев» Корпуса повел свою семерку на высоту, где оставшаяся пара его истребителей никак не могла справиться с одиночным «Фармером». Тот вертелся, как гремучая змея под вилами, уклоняясь от пушечных трасс и ракетных пусков, казалось бы, в последний момент. И еще вдобавок ухитрялся огрызаться! С прибытием еще семи истребителей в небе стало тесно.

Капитан Лысюра уже давно осознал, что этот вылет для него стал последним, а время его оставшейся жизни исчисляется даже не минутами, а секундами. Драться против пары «Крусейдеров», имевших, кроме пушек, и ракеты, да еще на высоте, над ровной поверхностью океана, было невероятно тяжело. Но когда к этой паре снизу пришли еще семь истребителей, очевидно покончивших с остальными самолетами его группы, то положение стало из тяжелого просто безнадежным. И, когда проскочившая в очередной атаке четверка «Крестоносцев» разделилась, уйдя одной парой вверх, другой вниз, он решился. Другого случая дорого продать свою жизнь ему просто не представится. Игнорируя верхнюю пару, он, двинув РУДы до упора, рванул за нижней парой, вернее, за ведомым «Крусейдером». Тот летел по прямой, со скоростью не более восьмисот километров в час. Сейчас он, через несколько секунд, заложит вираж с набором высоты, чтобы, описав петлю, встать опять в очередь на заход в хвост этому упрямому русскому, который виляет, как заяц, все никак не давая себя сбить, не подозревая, что у зайца остались зубы.

В наушниках у Лысюры в который раз началось слабое попискивание. Это означает, что очередная пара американцев уже у него в хвосте и берет его на сопровождение. Но на этот раз капитан никак на это не отреагировал. Его МиГ, сжирая на форсаже последние остатки топлива, уже висел в 800 метрах сзади и выше от беспечного «Крестоносца». Пора. Капитан щелкнул тумблером залпового пуска ракет. Две последние РС-2У сорвались с направляющих, капитан поправил ручку, стараясь удерживать «Крестоносец» в самом центре прицела. Следующие секунды показались Лысюре вечностью. Писк «Сирени» в наушниках становился все громче, капитан боялся оглянуться назад. Боялся, что он увидит у себя на хвосте американцев и дрогнет, начнет маневр уклонения, сорвав тем самым наведение своих ракет.

Американец в прицеле тоже что-то почувствовал, наверное, у него сработало СПО или подсказали по радио. Капитан Лысюра видел, как словно в замедленном кино американец начинает закладывать вираж. Сначала у «Крусейдера» повернулся руль направления, и машина начала уходить вправо. Потом повернулись элероны на крыльях, «враздрай», один вверх, второй вниз. «Крусейдер» начал проваливаться вниз, одновременно резко смещаясь вправо. Капитан все

время плавно шевелил ручкой управления, пытаясь удержать и ракеты, и американца в прицельной марке. Выходило плохо, все-таки ракеты РС-2У делались для перехвата больших и слабо маневренных целей, совсем не таких, как истребитель F-8C. Вот одна ракета прошла выше и левее цели, уходя прочь. Другая тоже промахивалась, но в последний момент капитану повезло. Или не повезло пилоту «Крестоносца», это с какой стороны посмотреть. Его самолет фактически уже вышел из зоны действия неконтактного взрывателя AP-10, но заложив боевой разворот, пилот буквально на мгновение «чиркнул» законцовкой левого крыла по краю этой зоны. Этого оказалось достаточно, взрыватель сработал, подорвав боевую часть весом в пятнадцать килограммов. Большую часть осколков приняла на себя нижняя поверхность левого крыла и средняя часть фюзеляжа. «Крусейдер», как бы получив гигантский пинок сверху в левую плоскость, задымил и пошел вниз. Через секунду в пилотской кабине сверкнули вспышки пиропатронов катапульты и над ним расцвел оранжевый цветок парашюта. Верещание СПО в наушниках стало совсем нетерпимым, и капитан еле расслышал короткое сообщение по радио:

– Я «девятнадцатый», точка три. Минус два. Спасибо.

Капитан облегченно выдохнул. «Точка три» означало, что самолеты ударной группы не только прорвались к десантным кораблям конвоя, но и закончили работать по ним, это означало, что они, уже пустые, легли на обратный курс. А минус два, это значит, что они утопили или повредили два транспорта. И это означало, что все их смерти были не напрасными. Капитан уже дал ручку полностью от себя, одновременно уводя машину вправо, когда сбоку от него сверкнула вспышка и наступила темнота. Разорвавшаяся в четырех метрах от МиГа боевая стержневая часть ракеты AIM-7C буквально перерубила пилотскую кабину пополам, вместе с человеком.

Яростно ругаясь, кэптэн Ларри Стивенсон, командир эскадрильи «Крестоносцев» Корпуса повел оставшиеся восемь машин на юго-восток, где вроде бы должен быть конвой. Сказать, что он был зол, это значит, ничего не сказать. На ровном месте потерять две машины, в бою с противником, уступающим ему как в численности, так и в качестве машин, это ж надо такому случиться! Вот тот последний русский, которого он сбил лично, наверняка слышал в своем СПО, что его берут на сопровождение! Даже видел, солнце уже взошло, а из кабины «Фармера» отличный обзор. И, тем не менее, предпочел оставаться на своем курсе до последнего, наводя свои ракеты. Погибнуть, но прихватить с собой еще один американский самолет. Да, может быть, вдобавок и пилота из его эскадрильи, дожить в ноябре месяце в океане, при волнении в четыре балла, до прилета спасательного вертолета, очень проблематично.

Еще Ларри напрягало полное отсутствие управления. Их собственный самолет ДРЛО, тихоходный «Скайрейдер», еще не дополз в этот район, а флотский «Следопыт» был сбит этими проклятыми «Флэшлайтами». С вышки КДП на острове Беринга поступали противоречивые указания, вызванные тем, что на сам КДП поступали такие же, от десантных кораблей и охранения конвоя, и от «Таффи-72», которое, вообще-то, в принципе не могло командовать Корпусом морской пехоты. В принципе, все сообщения сводились к тому, что десантные транспорты атакованы группой «Фреско», к которой вроде бы присоединилась пара «Биглей». Куда подевалось воздушное охранение конвоя, было непонятно. Но через несколько секунд кэптэн Стивенсон увидел справа и ниже картину воздушного боя. Как пара «Фреско» гоняет одинокого «Демона».

– Вечно за этими флотскими надо подтирать сопли! «Джанго-2», атакуй цели на два часа! – обратился он к ведущему второй четверки «Крестоносцев». А сам пошел прежним курсом, в место предполагаемой встречи с конвоем. Впрочем, наличие чего-то плавающего там с высоты уже определялось визуально. И это ему очень не понравилось. Два столба густого черного дыма, такие бывают только от сильно поврежденных и горящих кораблей.

Пара МиГ-17 вроде бы в который раз зажала верткого «Демона», ведущий даже успел дать короткую очередь. Почти мимо, только один из последних снарядов попал в левую законцовку крыла. «Демон» сначала было завалился на крыло, но потом крутанул размазанную «бочку» и остался в горизонтальном полете. Мало того, он этим вынужденным своим маневром ухитрился, сбавив скорость и потеряв высоту, оказаться почти в хвосте у МиГов. Ему осталось только задрать нос и поймать МиГи в прицел, что он почти и успел сделать. Почти, это потому что ведущий советской пары, видя, как они проскакивают впритирку над этим упрямым американцем, понял, что через пару секунд охотники и жертва поменяются местами. Короткая команда ведомому, ручка на себя, РУД до упора, и МиГи делают горку, оставляя очередь «Демона» под собой. Но в следующее мгновение ситуация снова резко изменилась. Его ведомый первый заметил это, когда по вбитой намертво еще в училище привычке оглядывался назад и вверх. На их пару пикировала четверка истребителей, а они как раз зависли в верхней точке траектории горки без скорости, потеряв энергетику. Если бы у «Крусейдеров» были только пушки, расстояние до них позволило бы МиГам совершить хоть какой-то маневр уклонения. Но у пары «Крестonosцев» оставались ракеты AIM-9B, которые уже сорвались с направляющих. Через несколько секунд все было кончено. В один МиГ попали сразу две ракеты, и он исчез в огненной вспышке разрывов. Второй был поврежден близким подрывом «Сайдвиндера», попытался уйти, но четверка «Крестonosцев» легко настигла его и расстреляла из пушек. Проводив дымящийся «Демон», который взял курс на авианосец, четверка «Крусейдеров», набирая высоту, взяла курс на юго-запад.

Капитан Венедиктов тоже услышал последнее сообщение от лидера ударной группы. К тому времени указатель уровня топлива у него на приборной панели угрожающе стал приближаться к отметке нуль. И он решил не искушать судьбу, выйдя из очередного виража, спикировал вниз, до самых волн и пошел над ними на запад, к побережью Авачинского залива. Первую минуту в наушниках слабо попискивала СПО, но потом все стихло. Одинокий МиГ смог незамеченным проскочить на свой аэродром.

– Какого черта? Я не могу догнать «бандитов», до них целых десять миль, надо идти на форсаже! А у моих парней топлива на двадцать минут экономического полета, и что-то я не вижу поблизости обещанных флотом заправщиков! – кричал кэптэн Ларри Стивенсон в ответ на приказ КДП догнать и уничтожить ударную группу красных. – Мы и так вытерли за флотом все сопля, сбив семерых «бандитов», которые уже почти доедали наших гордых орлов в синей форме! И я потерял при этом, между прочим, двух отличных парней! А от флота, кроме одного «Фантома», с хвоста которого мы стряхнули МиГи и который удрал неведомо куда, я не вижу ничего! Где обещанные заправщики, самолет ДРЛО, спасательные вертолеты, наконец? Мы же, чтобы выдернуть флот из той задницы, в которую он угодил, сожгли на форсаже половину всего запаса топлива! В общем, так, я сейчас разворачиваюсь и иду экономичным режимом на свой аэродром, а вы высылайте мне навстречу все, что у нас на площадке есть из заправщиков, на флот у меня надежды мало!

Подполковник Браун не слышал высказывания Ларри Стивенсона в свой адрес, иначе он мог бы многое высказать ему в ответ. Сейчас он вместе с одиноким «Демоном» с «Лексингтона» искал удирающего на запад «Фреско». По словам пилота «Демона», у них прошел бой с парой МиГ-17, два на два. Вообще-то эта пара прикрывала «Трейсер», но, когда на них вышла целая десятка «бандитов», они не смогли спасти своего подопечного. Пара «Фреско» связала их боем, а что стало с их подопечным, это уже рассказал им Браун. В собачей свалке сначала американцы потеряли одну машину, потом пилот «Демона» смог повредить один МиГ. Добить его ему не дал его напарник, и с ним они крутились на виражах почти десять минут, когда неожиданно «Фреско» вышел из боя, спикировав до самой воды. Настолько неожиданно, что пилот «Демона» его потерял.

И вот сейчас пара перехватчиков, правда разных поколений, обшаривала небо над акваторией Авачинского залива, в поисках этого чертового «Фреско». Тщетно. Хотя погода вроде была отличная, высота облаков не ниже четырех миль, радары американцев никак не могли нащарить одинокий МиГ. Брауну оставалось только констатировать тот факт, что как старая РЛС APQ-51, стоявшая на F-3C, так и новейшая РЛС AN/APQ-72, установленная на F-4B, ни черта не видят на фоне подстилающей поверхности, особенно если это океан с волнением не менее четырех баллов.

Адмиралу Холлоуэю пришлось выдержать несколько неприятных разговоров. Один – с командиром десантного конвоя, глубоко возмущенным тем, что русские самолеты практически безнаказанно потопили два десантных корабля. И это при наличии авианосной группы, у которой целых три палубы! Практически это потому, что фрегатам конвоя все-таки удалось сбить зенитным огнем один «Фреско». Что еще более подчеркивало беспомощность авиации US NAVY в этой ситуации.

Второй – с командованием морской пехоты. Потопленные корабли принадлежали флоту, но на них был десант, люди, техника и амуниция. Все это погибло и все это входило в состав дивизии Корпуса морской пехоты. И сейчас комендант корпуса морской пехоты, четырехзвездный генерал Дэвид Шоуп как бы всерьез интересовался, а чем вообще занимается соединение адмирала Холлоуэя? И зачем оно вообще нужно возле Камчатки, если не способно прикрыть корабли десанта от жалкой кучки самолетов комми?

И наконец, третий, с собственным командованием. Поскольку командующий Тихоокеанским флотом, адмирал Фелт считался пропавшим без вести, с Холлоуэем напрямую говорил командующий штабом морских операций адмирал Джордж Уилан Андерсон. Говорил вроде вежливо, но под конец произнес:

– Джеймс, если ты еще раз облажаешься, я не смогу тебя больше прикрывать. Президент в ярости, и мне стоило больших усилий удержать его от решения о срочной замене командующего TF-72. Запомни это.

Глава 3

Высадка

Пощипанный, но все равно грозный конвой подошел к берегам Авачинского залива к 10:00 по местному времени. К этому моменту неразбериха, вызванная дерзким налетом на десантные суда конвоя, улеглась, и управление было восстановлено. TF-72 получил, наконец, дополнительные самолеты ДРЛО, вдобавок Корпус морской пехоты теперь держал постоянно свой самолет EA-1Е над зоной десантной операции. И теперь «дубленые заливки» горели желанием поквитаться с коммунистами за своих бесславно утонувших товарищей. И обе стороны понимали, что наступила кульминация в сражении за этот далекий, казалось бы, забытый богом и людьми медвежий угол.

Адмирал Ярошевич, понимая, что успешная высадка американцев в непосредственной близости от базы флота в Вилучинске – это конец Камчатской военной флотилии, бросил на стол последние оставшиеся козыри. Уцелевшие ракетные катера и оставшиеся эсминцы вышли из своих укрытий в бухтах Завойко и Богородское озеро в попытке дотянуться до десанта. Оставшаяся незамеченной батарея номер 501, расположенная к северу от входа в Авачинскую бухту, готовилась открыть огонь на максимальную дальность из двух спаренных установок МБ-2-180. Занимали позиции подвижные артиллерийские и ракетные батареи 294-й береговой бригады. Уцелевшие бомбардировщики Ил-28, севшие на аэродром в Усть-Большерецке, к вылету еще не были готовы, но оставшаяся горстка МиГов, три из 777-го и два из 865-го полка, прогревали свои двигатели, готовясь выскочить из уцелевших капониров Елизовского аэродрома. Взлетная полоса была разрушена еще вчера, но рулежка была пока целая. Нарисованные круги по-прежнему вводили американских фоторазведчиков в заблуждение.

Но готовились и американцы. На маленький аэродром на острове Беринга была дополнительно переброшена еще одна эскадрилья «Крусейдеров», VMF-334. Кроме того, там находились заправщики, самолеты ДРЛО и пара патрульных «Нептунов». И утром еще туда были переброшены шесть перехватчиков «Вуду» из канадских ВВС. Самолеты стояли, как сельди в бочке, крылом к крылу, вдоль всей ВПП. Общая численность машин превысила шестьдесят штук. Палубные эскадрильи TF-72 тоже были пополнены до штатной численности, вдобавок на двух аэродромах, Атту и Адак, расположенных на Алеутских островах, сидело целых четыре эскадрильи резерва. Более того, медики сегодня утром наконец-то закончили свои дезинфекционные процедуры и частично сняли карантин с крупной авиабазы Датч-Харбор, оставив в карантине два жилых и один административный корпус, но это было уже не критично. Посты РЛС, здание КДП, все технические службы работали, а с жильем и размещением служб авиабазы помогли «Морские пчелы», оперативно установив на территории авиабазы несколько быстровозводимых модулей. Кроме того, к входу в Авачинскую бухту стягивались военные корабли союзников. Три эсминца типа «Гиринг», ракетный эсминец «Мэхан» и восемь фрегатов, включая три канадских типа «Трайбл», нагнавших десантный ордер почти сразу после налета красных. Угроза подводных лодок была признана несущественной, после того, как эскортные силы охранения потопили под утро сразу две подводные лодки, обе типа «Фокс-трот».

02 ноября, местное время 10:06. Камчатка. Авачинский залив, тридцать пять километров к востоку от побережья бухты Безымянная. Десантный вертолетоносец LPH-2 «Iwo Jima»

Тяжелая громада вертолетоносца двигалась малым ходом на юг, постоянно поправляя курс, чтобы находиться носом к волне. Ветер свирепо бросал на палубу холодные соле-

ные брызги, но никто этого не замечал. Палуба «Иводзимы» сейчас больше всего походила на разворошенный муравейник. Огромная, размером с несколько хоккейных полей, палуба сейчас казалась очень тесной. Авиагруппа «Иводзимы» включала в себя двадцать транспортно-десантных вертолетов Пясецкого СН-21С «Шауни», но только восемь могли одновременно стартовать с его палубы. А огромные лифты поднимали за один раз четыре такие машины. Поэтому восемь первых «Шауни» уже висели в воздухе, рядом с «Иводзимой», во вторые восемь бегом грузились морские пехотинцы, неся с собою все свое оружие и снаряжение, а последнюю четверку сейчас готовила к подъему команда вертолетоносца. Один «Шауни» брал на борт двадцать морпехов в полном снаряжении, и чтобы высадить весь личный состав полка морской пехоты с «Иводзимы», вертолетам требовалось сделать пять рейсов.

Полковник Эдвин Симмонс, стоявший в рубке вертолетоносца, позади командира «Иводзимы», вспомнил, как летом им показывали новый вертолет, СН-46 «Морской рыцарь», который этой осенью на «Иводзиме» должен был заменить старенькие «Шауни» Пясецкого. В него вмещалось уже двадцать шесть солдат с полным снаряжением, мало того, он мог нести 105-миллиметровую гаубицу на внешней подвеске, одновременно перевоза внутри расчет с боекомплект. То есть снималась главная головная боль сторонников теории «вертикального охвата» – недостаток тяжелого вооружения у частей Корпуса, которые этот самый вертикальный охват и выполняют. А так «Шауни» могли перевозить или гаубицу, или расчет с одним боекомплект. И теперь, для переброски всего одной батареи 105-миллиметровых гаубиц с тягачами придется задействовать целых двенадцать вертолетов из состава второй волны десанта.

Ну, наконец, последние «летающие бананы» тяжело поднялись с палубы «Иводзимы», и вертолеты, построившись, пошли на юго-запад. По плану в первой волне высаживались три группы морпехов. С северо-запада возле перевала Седёлка, на развилке дорог возле полевого аэродрома к западу от горы Голгофа и на дороге к северу от горы Столовая. Это позволяло отрезать все обороняющие место высадки части красных, оставив их без снабжения и поставив в два огня. Вертолеты, чтобы не нести излишних потерь от огня обороняющихся войск, делали большой крюк, огибая оборонительный район с юга.

02 ноября, местное время 10:07. Камчатка. Точка у подножия высоты 679 на лесной дороге, с координатами 52.868287, 158.404445, тринадцать километров к западу от побережья бухты Безымянная. Стартовые позиции третьего дивизиона 21-го берегового ракетного полка

Командир дивизиона напряженно слушал доклад от операторов станции целеуказания. Его дивизион находился уж очень близко к побережью. Проблема еще была в том, что отроги гор, отходящих на север от Вилучинского вулкана, полностью затеняли акваторию бухт Безымянная и Малая Саранная, к которым подошли американские десантные суда. То есть дальность ракетного комплекса С-2 «Сопка» позволяла их накрыть, а вот средства наведения – нет. Сегодня рано утром четвертый дивизион утопил два корабля американцев, эсминец и легкий крейсер, но они были на траверсе мыса Безымянный, что позволило отработать по ним с позиций возле Николаевки. РЛС четвертого дивизиона «увидела» американцев, когда они вышли на север, в «просвет», образованный Авачинской бухтой и бухтой Крашенинникова. Но надо было прикрыть именно акваторию бухты Безымянной и особенно Малой Саранной. А сделать это можно было, находясь только по восточную сторону отрогов Вилучинского хребта, подвергаясь огромному риску, ведь дивизион фактически оказывался в районе высадки. Поэтому основная ставка была на маскировку и первый удар. Станцию РЛС с огромным трудом затащили на высоту 679, без этого дивизион будет так же слеп. Ну, вот теперь томительное ожидание закончилось, станция только что выдала дивизиону целеуказание на десантный корабль типа «Комсток». Он уже сбавлял ход, наверное, готовясь к высадке десантных катеров.

Майор набрал воздух, чтобы дать команду на пуск, и тут ощутил в груди страшную боль. Пуля из винтовки М-14, пробив ему грудь, разворотила ребра и вышла со спины. Уже гаснущим сознанием он с гневом увидел, как падают, сраженные выстрелами, номера его стартовых расчетов. Потом одна из очередей попала в лежащую на пусковой стреле ракету. Последнее, что он увидел – это стену надвигающегося на него огня.

Оставшаяся необнаруженной, последняя диверсионная группа с «Иводзимы» все-таки выполнила свою задачу. Расстреляв стартовые расчеты и обе пусковые установки с готовыми к пуску ракетами, она в следующие пять минут погибла в перестрелке с подоспевшей охраной и отделением разведроты 211-го мотострелкового полка, но свою главную миссию «дубленные заливки» из третьей дивизии морской пехоты выполнили. Один из четырех дивизионов 21-го берегового ракетного полка был фактически уничтожен.

02 ноября, местное время 10:13. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Малая Саранная. Позиции второй роты второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии на возвышенности между озерами Малое Саранное и Мелкое, в четырехстах метрах от берега

– Твою ж мать, да сколько их! – изумился связист, судорожно втягивая в себя воздух.

Командир роты на эти слова только угрюмо промолчал. Действительно, громады десантных кораблей, медленно подходящих к побережью бухты, впечатляли. Они уже подошли очень близко, останавливаясь буквально в паре километров от берега. Десантный конвой, несмотря на понесенные потери, был все равно очень силен. Напротив бухты Малая Саранная сейчас останавливались, заполняя доковые камеры для выпуска десантных катеров и кораблей, корабли-доки «Catamount» и «Colonial». На «Catamount» находились три танкодесантных больших корабля LCT Mk3 длиной в 119 метров, с двенадцатью танками М48А3 в каждом. И сорок четыре малых 13-метровых десантных катера, в каждом из которых размещался или взвод морских пехотинцев, или три тонны груза, или 105-миллиметровая гаубица с расчетом, транспортером и полным боекомплект. На «Colonial» был сорок один плавающий бронетранспортер LVTP-5. Такие же силы сейчас разворачивались напротив бухты Безымянная, только вместо двух танковых рот средних танков М48А3 корабль-док «Comstock» нес роту тяжелых танков М103А2 и противотанковую роту, восемь 106-миллиметровых безоткатных орудий М40А1, размещенных в кузове автомобиля М274. Каждый бронетранспортер LVTP-5 вмещал в себя двадцать пять морских пехотинцев в полной выкладке и со штатным вооружением, или более тяжелым вооружением, с расчетом и боекомплект. А его было много, слишком много для единственного советского батальона, который держал оборону в этих бухтах. В штат тяжелого вооружения батальона морской пехоты, кроме безоткатных орудий, входили 32 миномета М19 калибром 60 миллиметров, 35 пулеметов М60, 32 гранатомета М72 и батарея пусковых установок зенитных ракет RIM-2 «Терьер», смонтированных на автомобилях. Кроме десантных кораблей, неподалеку находился ракетный эсминец «Мэхан», готовый отразить удар с воздуха, и восемь фрегатов, два из которых сейчас активно ставили дымовую завесу, отрезая противнику возможность видеть район высадки десанта с севера.

02 ноября, местное время 10:21. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Малая Саранная. Позиции второй роты второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии на возвышенности между озерами Малое Саранное и Мелкое

– Черт, где наша артиллерия? – втянул в себя воздух командир роты.

Два корабля, остановившиеся напротив них, выпустили из себя кучу десантных катеров, больших и маленьких. Вдобавок из утробы одного из них вываливались высокие коробки плавающих бронетранспортеров, которые неспешно брали курс прямо на позиции его роты. Батальон пока не стрелял, из всех огневых средств, бывших в наличии у него, до противника доставали только минометы, но смысл стрелять из минометов по катерам и бронетранспортерам? Только раскроешь свои позиции. Он бросил свой взгляд влево. Там происходила такая же картина. Словно угадывая его мысли, возле разнообразных коробок, плывущих к берегу бухты Безымянная, встали шесть высоких столбов разрывов. Это вступила в действие батарея 122-миллиметровых гаубиц М30 из состава 157-го артиллерийского полка дивизии. Все квадраты в акватории бухты были пристреляны заранее, и поэтому батарея открыла огонь сразу шестиружийным залпом. Снаряды встали с разбросом возле борта большого десантного корабля. Близко, но не накрытие. Через несколько десятков секунд все силуэты кораблей окрасились многочисленными вспышками ответных выстрелов. А еще через пару минут над позициями его роты, с легкостью уклоняясь от трасс зенитных пулеметов, на малой высоте, прошла в направлении батареи шестерка американских штурмовиков.

02 ноября, местное время 10:23. Камчатка. Побережье Авачинского залива, 4-й километр полевой дороги от поселка Вилучинск до полевого аэродрома. Пять километров к югу от бухты Крашенинникова. Запасные позиции 41-й артиллерийской береговой батареи

Батарея готовилась к открытию огня. Иллюзий по поводу дальнейшей судьбы батареи, после того, как она выдаст себя первыми выстрелами, никто из расчетов не питал. Вопрос был только один: сколько батарея успеет выпустить снарядов, прежде чем на нее начнут пикировать американские самолеты. Уже известно было, что всю южную часть территории Авачинской губы, которая прилегала к бухтам Саранная и Безымянная, американцы плотно забили помехами. Два или даже три самолета ЕА-3В, начиная с 10:15 местного времени, висели возле побережья. Поэтому батарея развернулась на заранее привязанной позиции, у подножия небольшой сопки, на которой еще со вчерашнего дня находился дальномерный пост. Но тут вмешался случай, который здорово осложнил положение защитников.

Первая пара А-1Н, разворачиваясь после штурмовки, попала под сосредоточенный зенитный огонь. Один самолет был сразу сбит, другой, дымя, ушел в сторону моря. Следующая пара штурмовиков «Скайрейдер», выходя из захода по батарее 157-го артполка, решила пройти дальше на малой высоте вдоль дороги, чтобы развернуться уже над водной поверхностью бухты Крашенинникова. И ведомый заметил орудия 41-й батареи. Сообщение ушло в штаб высадки, и через пять минут по обнаруженным позициям батареи нанесла удар дежурная шестерка «Скайхоков». Батарея к тому времени уже открыла огонь и сделала семь залпов, не считая пристрелочных выстрелов. Уже вторым залпом расчеты 559-й батареи смогли накрыть «Comstock». Повреждения он получил незначительные, а вот один из танкодесантных больших кораблей LCT Mk3 пострадал больше. Он как раз выходил из доковой камеры. Увидев это, офицер, командующий дальномерным постом, перенес огонь на этот LCT, на редкость хладнокровно рассудив, что утопить такую здоровую дуру, как корабль-док, они все равно не успеют, а вот прикончить хоть один большой LCT им вполне по силам. До появления американских самолетов батарея смогла добиться шести попаданий в танкодесантный корабль. Это вполне могла выдержать такая прочная и живучая конструкция, как танкодесантный корабль длиной в 119 метров, но один снаряд попал в транспортер боеприпасов к 106-миллиметровым безоткатным орудиям противотанковой роты. К разрыву 130-миллиметрового снаряда весом почти в полцентнера добавилась детонация почти полутора тонн выстрелов к безоткатным орудиям. Такого издевательства LCT вынести уже никак не мог. Задрал нос, он в течение считанных минут исчез с морской поверхности. С ним в пучину ушла вся техника и личный

состав противотанковой роты, плюс зенитная батарея батальона. Но расчеты 41-й батареи своему успеху радовались недолго. Шестерка «Скайхоков» уже заходила на батарею с тыла, со стороны поселка Вилючинск.

Капитан Венедиктов вспоминал инструктаж, который проводил с ними подполковник Калинин, буквально полчаса назад.

– У нас всего пять истребителей. Если вы будете ввязываться в бой, вас зажмут превосходящими силами и сожгут. Поэтому никакого героизма, вам надо нанести противнику максимальный ущерб и остаться в живых. Взлет, выход в район дежурства на малой высоте, выбор цели, горка, заход в хвост, одна атака и сразу назад, на аэродром. Если аэродром под атакой, уходите на аэродромы в Усть-Большерецке или Половинке. Атаковать только штурмовики и бомбардировщики, в бой с истребителями не ввязываться! Резервная станция наведения пока работает, но американцы ставят помехи в районе высадки, поэтому не очень-то на нее рассчитывайте.

Ну что же, он выполняет приказ подполковника в точности. Несколько минут назад он, крутясь на малой высоте над устьем Авачи, заметил шестерку «Скайхоков», огибающую полуостров Рыбачий с севера. Пошел за ними, буквально в нескольких метрах от воды. Дождавшись, когда они войдут в бухту Крашенинникова и приблизятся к берегу, двинул РУД и плавно потянул ручку на себя. И вот уже ведомый замыкающей пары у него в прицеле. Как раз под ними проносились домики Вилючинска. Длинная очередь, и «Скайхок» буквально взрывается, наверное, какой-то снаряд попал в подвешенные бомбы. Ведущий пары сбрасывает подвески и начинает закладывать полупетлю, чтобы уйти из его прицела и, в свою очередь, зайти ему в хвост. Но капитан не принимает приглашения вступить в бой. РУД по-прежнему до упора, правый разворот с небольшим набором высоты, чтобы перевалить через сопку, а потом вниз, над долиной реки Паратунка. Еще раз правый разворот вдоль дороги на Николаевку.

Дорога, дома и деревья проносятся под ним буквально рядом. Все, он оторвался. Николаевка, затем Вулканный, слева остается Вторая и Первая горки. Долина реки Авача, Елизово. Заход с ходу на рулежку, поворот в свой капонир. Солдаты аэродромной команды уже раскрывают перед ним его створки. Все, он внутри капонира. Дома. Выключить двигатель. Капитан Венедиктов с удивлением обнаружил, что он мокрый от пота, буквально весь, до трусов. Взгляд на часы – весь вылет длился всего тринадцать минут.

Оставшаяся четверка «Скайхоков» смогла уничтожить орудия и тягачи 41-й батареи с трех заходов. Но два самолета последней пары несли кассетные бомбы, поэтому капитан Венедиктов своим единственным молниеносным ударом спас большую часть личного состава батареи.

02 ноября, местное время 10:30. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Малая Саранная. Позиции второй роты второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии на возвышенности между озерами Малое Саранное и Мелкое

Старший лейтенант Ильин, командир второй роты, сжимая пальцами бинокль, рассматривал лежащую перед ним акваторию. Советские батареи утопили один большой десантный корабль, едва он только вышел из корабля-дока. На этом успехи советских артиллеристов в бухте Безымянная закончились. Там, где располагались батареи, теперь бушевало пламя, и раздавались взрывы, после корабельного обстрела и ударов американской авиации.

– Наверное, американцы уже уничтожили или подавили наши орудия, – грустно пробормотал старший лейтенант.

В бухте Малая Саранная американцев вообще никто пока не обстреливал. Первые десантные катера уже подходили к черте приборя, за ними маячили многочисленные углова-

тые коробки плавающих бронетранспортеров. Сейчас минометы батальона откроют огонь, но долго ли они продержатся под огнем корабельной артиллерии? Внезапно почти все вражеские корабли, неспешно маневрировавшие позади десантных судов, резко ускорились, повернув на север. Что же там произошло?

02 ноября, местное время 10:35. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Малая Саранная. Позиции второй роты второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии на возвышенности между озерами Малое Саранное и Мелкое, в четырехстах метрах от берега

– Ну вот, наконец, и мы вступим в бой! – прошептал старший лейтенант Ильин, когда большой десантный корабль замер в нескольких метрах от прибой и стал медленно открывать носовую аппарель. Второй такой же корабль еще был метрах в пятистах от берега, остальные катера, те, что поменьше, чуть сбавили ход и были метрах в двустах. Плавающие бронетранспортеры, наоборот, уже обогнали их и тоже вот-вот начнут выбираться на берег. Радиосвязь по-прежнему не работала, в эфире, с начала появления десантных кораблей, был один шум и вой. Ильин спустился в блиндаж к телефонистам.

– Дай мне командира самоваров!

Самоварами в их полку традиционно называли минометчиков, и Ильин собрался связаться с батальонной батареей 82-миллиметровых минометов. Она как раз располагалась в километре от берега, в глубоком распадке. Восемь батальонных минометов БМ-37, четыре крупнокалиберных пулемета ДШК пулеметного взвода батальона и одно гранатометное отделение из трех станковых СГ-82, вот и все, что было придано в усиление его роте. Почти все тяжелое вооружение батальона, и ничего из полковых средств усиления. Проклятые дороги, вернее, их отсутствие! Он хотел еще раз предупредить командира минометчиков, чтобы тот не вздумал открывать огонь раньше времени по десантным кораблям или бронетехнике.

Тем временем аппарель большого десантного корабля открылась, и оттуда не спеша, прямо в прибой, выполз первый танк.

«М48, судя по башне и стволу пушки, модификация А2 или А3, – подумал вернувшийся в окоп НП старший лейтенант. – Но что это за хреновина у него впереди? Черт, черт, черт, да это же танковый трал!»

Значительным компонентом обороны советских войск в бухтах Малая Саранная и Безымянная были минные поля, установленные прямо по берегу. Составленные как из противотанковых, так и противопехотных мин, они перекрывали практически все проходимые для техники подходы. Минирование началось еще сразу с начала войны, саперами из состава береговых артиллерийских дивизионов. Потом, при прибытии на позиции трех инженерно-саперных отделений из состава саперной роты 211-го мотострелкового полка, эти минные заграждения были усилены. Дополнительно были выставлены больше половины из всего возимого боекомплекта роты, а он составлял шестьсот штук противотанковых мин и восемь тысяч штук противопехотных мин. Но если янки первым высаживают на берег танки с минными трапами, значит, они знают, что здесь стоят сплошные мины, которые начинаются чуть ли не на линии прибой! И тут Ильин, похолодев, вспомнил утренних диверсантов в черных обтягивающих резиновых костюмах. Похоже, они высадились на берег давно и занимались не только разведкой береговых батарей. Что еще стало известно противнику? Каких еще сюрпризов следует ожидать немногочисленным советским мотострелкам? Словно в ответ на это, в тылу обороны, в районе перевала Седёлка, началась сильная стрельба.

– Товарищ старший лейтенант, командир батальона на связи! – высунулся из блиндажа радист. Терзаемый смутным подозрением, Ильин бегом спустился в блиндаж.

– Ильин, слушай внимательно! – Голос комбата в трубке был еле слышен из-за звуков перестрелки, которые забивали в трубке все. – Американцы только что высадили у нас в тылу десант с вертолетов, не меньше батальона. Одна группа захватила полевой аэродром возле Вилючинска, вторая сейчас пытается сбить наш пост на перевале Седёлка. Если им это удастся, тогда они ударят тебе с высот прямо в спину. Я уже приказал первой роте снять один взвод на помощь разведчикам и пограничникам, долго они не выстоят! Но взвод снят с отсечных позиций у тебя с левого фланга, прими это во внимание! Иними хотя бы пару отделений у себя, прикрой минометчиков и свои тылы!

Старший лейтенант Ильин похолодел. Если американцы уже захватили дорогу от Седёлки и дальше, то его рота фактически сейчас в окружении. Есть и другие пути, кроме перевала, но это тропы, там только человек пройдет, а вот техника нет, даже мотоцикл не пройдет. Стоп, комбат сказал, что американцы захватили аэродром, тогда, значит, и весь батальон отрезан? Ведь дорога проходит рядом с аэродромом, и она единственная!

– Товарищ майор, а как же остальной батальон? Он тоже уже в окружении?

– Не паникуй, Ильин! С севера подходит одна танковая рота и первый батальон 246-го мотострелкового полка, они уже прошли Николаевку и свернули на дорогу к Вилючинску. Там надо продержаться буквально полчаса, потом мы их раздавим! Все, конец связи!

«Да, раздавим. Если до этого не раздавят нас», – мрачно подумал Ильин. Он отдал приказ о переброске двух отделений, из второго и третьего взводов, в тыл. Подумав немного, связался снова с минометчиками, чтобы батарея выделила корректировщика к тем силам, что сейчас спешат к перевалу. И позвонил командиру взвода ДШК. Как минимум два его крупнокалиберных пулемета были расположены на обратных скатах высоты напротив перевала. А дальность прямого выстрела ДШК позволяла эффективно поддерживать своих, не передвигая пулеметы.

Тем временем из брюха десантного корабля выполз уже четвертый «Паттон», уже без трала. Чуть проехал по колее, оставленной танком-тральщиком, и развернулся, подставив лобовую броню, поводя пушкой из стороны в сторону. Первый уже прополз через весь галечный пляж, с редким ивняком, не обращая внимание на мины, то и дело рвущиеся под тралом. Остальные два разъехали в разные стороны, один влево, другой вправо, очевидно, «чистят» зону высадки от мин. Потом они тоже начали поворачивать от берега, видимо с целью сделать несколько проходов в минных полях к дороге, которую и перекрывали позиции роты.

Все это время рота дисциплинированно молчала, из окопов не раздалось ни единого выстрела. Да и куда стрелять? Врагов не было видно, только одна техника. Вот на пляж выползли первые бронетранспортеры. Одни, чуть проехав по гальке, остановились, но три пошли по колее, проложенной танками-тральщиками. И вот, наконец, к прибою подошли малые катера, сразу с десятков, и из них густо стали выбегать, прыгая прямо в волны, морские пехотинцы.

Ильин подождал еще секунду, и скомандовал:

– Ракету!

Тут же старшина роты, до сих пор молчаливо стоявший в окопе рядом, пустил в небо красную ракету и затем продублировал ее криком:

– Рота, огонь!

И через несколько мгновений склоны высот, на которых были расположены советские окопы, часто озарились вспышками выстрелов. Особенно удачным оказалось расположение первого взвода. Его окопы были вырыты на возвышении, на высоком берегу бухты, который к тому же резко уходил на восток. Это привело к тому, что левый фланг американской высадки оказался под фланговым кинжальным огнем. Вдобавок три ручных гранатомета и один СГ-82 могли расстреливать американскую технику не только в борт, но и сверху, и даже сзади. Первым же выстрелом станковый гранатомет поразил самый левый «Паттон», который уже повернул от пляжа, пробивая в минных полях колею к основным позициям роты. Кумулятивная

граната ПГ-82 влетела в заман башни М48А3. Пробив литую броню, которая в этом месте составляла всего 76 миллиметров, кумулятивная струя попала akurat в один из снарядов боеукладки. Результат был виден и слышен даже на позициях соседних рот второго батальона. Грохот, впечатляющий столб огня, в котором почти скрылась злополучная башня, взлетевшая метров на пятнадцать вверх.

Двум гранатометчикам первого взвода удалось поразить в борт бронетранспортер, который шел за подбитым танком. Пулеметы взвода, три РПД и один РП-46, устроили самую настоящую бойню, выкашивая во фланг выбегающих из десантных катеров американцев. Результаты стрельбы остальных взводов были поскромнее, но все равно впечатляли. Танков больше поразить не удалось ни одного, выстрелы остальных гранатометов, как ручных, так и станковых, пришлось в лобовую броню, с ее непробитием. Затем какой-то удачливый или на редкость хладнокровный гранатометчик попал одному М48 в гусеницу, тот начал крутиться, подставляя борт, в который влетело сразу две гранаты. В танке что-то хлопнуло, из него повалил черный дым, и он, окончательно развернувшись боком, заглох, уже загоревшись. Экипаж из него так и не вылез.

Еще были подбиты три бронетранспортера, но без таких впечатляющих эффектов, как первый «Паттон». Едва слышимые, на пляже, среди техники и лежащих людей, встали кусты минометных разрывов. Два ДШК, размещенные позади окопов роты, тоже собирали свою смертельную жатву. Пройдясь косой смерти по людям на берегу, трассы ДШК скрестились на одном десантном катере, от него начали отлетать крупные куски металла, и вот он уже горит. Но американцы, в первые секунды падавшие под пулями десятками, теперь залегли и начали огрызаться частым огнем из автоматических винтовок и пулеметов. Их поддерживали бронетранспортеры огнем из крупнокалиберных, и танки, прямой наводкой долбившие по окопам и особо выцеливающие пулеметные гнезда и гранатометчиков. А на берег выходили все новые бронетранспортеры и лезли из катеров все новые морские пехотинцы. Вот подошел, встав левее, еще один большой танкодесантный корабль, на ходу открывая аппарель. Старший лейтенант, пригнувшись, прокричал сквозь звуки боя старшине:

– Старшина, давай на левый фланг, пусть передвинут станковый и три РПГ к соседям, на отсечные позиции, будут танки с этого подошедшего корабля в правый борт бить!

Но про себя Ильин уже понял, что позиции его роте не удержать. Словно в подтверждение его слов, на темных контурах американских кораблей, до сих пор угрюмо стоявших в паре километров от берега, сверкнули вспышки выстрелов. Раздался свист, и позади окопов роты встали два столба разрывов.

«Сто миллиметров, а то и больше. Блин, час от часу не легче. При поддержке корабельной артиллерии нас собьют с позиций меньше чем за час», – мрачно подумал Ильин.

02 ноября, местное время 10:35. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Малая Саранная. Плавающий командно-штабной бронетранспортер LVTP-5 командира 22-го экспедиционного батальона морской пехоты подполковника Ричарда Стейтона, в четырехстах метрах от береговой линии

Штабной БТР, или, как его официально называли, «Плавающий гусеничный транспортер LVTC5» не спеша плыл к берегу, ошутимо качаясь на продольной волне, а подполковник, сидя в удобном кресле, торопливо отдавал команды. Пока все шло по плану, даже слишком гладко. Согласно данным разведки, у русских в бухте Малая Саранная была одна линия обороны, состоящая из отдельных окопов, пулеметных гнезд и блиндажей. Но занимали ее совсем незначительные силы, всего лишь несколько взводов с легким вооружением. Основной упор красные сделали на минные поля, которыми перегородили почти все доступные для людей и техники проходы с берега, но к этому американцы были готовы. В первой волне шел большой танкодесантный корабль LCT Mk3, на котором было три танка «Паттон» с минными трапами

МСВ, фактически все танки инженерной роты танкового батальона морской пехоты. Второй LCT Mk3 нес еще два бронезащищенных миноудалителя-бульдозера D7G, для окончательной расчистки зоны высадки. Конечно, последние данные разведки были получены еще вчера вечером, и Советы наверняка усилили свои подразделения на берегу. На остальных участках высадки предполагалось обойтись LVTE1 – плавающими инженерными машинами, разработанными на базе того же бронетранспортера LVTP5, оборудованными специальным бульдозерным отвалом. Вообще-то в комплекте с ними должны были идти и пусковые установки реактивной системы разминирования, но эти крайне полезные для морской пехоты устройства пока были только в чертежах.

Когда русские накрыли высадившихся в первой волне пехотинцев его батальона внезапным массированным огнем, подполковник только пожал плечами. Глупцы те, кто надеялся, что высадка пройдет, как на параде, без потерь. Это не Ливан. Русские – опасный враг, опаснее и японцев, и немцев, он всегда так считал. Сидевший рядом с ним батальонный сержант, прошедший практически все десантные операции на Тихом океане, при виде падающих на берегу, под густым пулеметным огнем американцев, повернулся к нему и прохрипел:

– Сэр, это прям как на Иводзиме!

– Радист, дай координаты русских огневых точек дежурным «Скайрейдерам», пусть принимаются за дело!

Радист долго слушал сообщения собеседника, все время переспрашивая его. Потом повернувшись к командиру, с несколько ошарашенным видом доложил:

– Сэр, воздушная поддержка будет только через час! Все группы ударных самолетов перенаправлены на север, что-то у флотских там случилось. И вдобавок они опять забрали себе наши самолеты.

– Вот дерьмо! И фрегаты тоже все пошли на север. Но мы не можем ждать час, парни на берегу несут большие потери. Свяжись с «Catamount» и «Colonial», пусть поработают их пятидюймовки. Там, на берегу, не так много целей, пары 127-миллиметровых должно хватить, если только у красных нет бетонных сооружений.

02 ноября, местное время 05:35. Камчатка. Побережье Авачинского залива, северная часть бухты Малая Саранная. Мыс между озерами Малый и Большой Виллой, позади перешейка между бухтами Малая Саранная и Безымянная. Позиции первого отделения третьего взвода третьей роты второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии

– Ты чё, не понял? Городской олень, в натуре! Быстро метнулся готовить хавчик, зря, что ли, мы НЗ на трое суток получили! Ну и чё, что ты вместе с нами окопы копал? Мы сейчас будем вести, как это, а, наблюдение за угрожаемым направлением, да и покурить не мешает. А ты все равно не куришь, так что давай, фраер, работай!

Олег тяжело вздохнул и принялся открывать банку тушенки на расстеленном под деревом брезенте. Угораздило его же попасть в это место. Сначала тощего нескладного паренька с городских окраин Алма-Аты военкомат законопатил аж на Камчатку. А потом ему, единственному из их призыва, опять не повезло. Он один попал в отделение, состоящее из старослужащих. Сначала он даже обрадовался, все-таки с опытными солдатами легче служить, да и легче выживать в условиях начавшейся войны. Но потом, когда узнал своих сослуживцев подробнее, мысленно схватился за голову. Остальные шесть человек из его отделения были местные, включая сержанта. Это бы еще ничего, из коротких разговоров со своим призывом там тоже было много местных. Но вся проблема было в том, что в отделении, куда попал Олег, местные были из одного поселка, Атласово. И даже не из самого Атласово, те, как ему сказали, были тоже нормальные, а из Атласовского леспромхоза. А леспромхоз – это такая сборная солянка,

где кроме «вольных» были и расконвоированные зеки, и бывшие зеки, осевшие в поселке после освобождения из находившегося поблизости лагеря. Ну и нравы там были соответствующие.

Учить или помогать в изучении воинской службы никто из его сослуживцев по отделению даже и не думал. А вот свалить всю работу на «молодого городского», это, пожалуйста. Хорошо хоть окопы копать одного не заставили, понимают, что командир взвода скоро появится с проверкой, и, если позиции не будут готовы, с сержанта вполне могут и лычки сорвать. Но сам сержант заводилой в этой полууголовной компании не был. Хотя молча или короткими междометиями и поддерживал приказы Луты, неформального лидера, уже успевшего отбыть два года в детской колонии. Между собой они так и общались, по кличкам, которые получили с детства в своем поселке. Но от Олега сержант требовал обращения «товарищ сержант», а не «Битор», как его называли свои. Сам Битор, окончивший с грехом пополам семилетнюю школу в Атласово и работавший затем вальщиком леса, непонятно по какой причине попал в сержантскую учебку. Единственное, что он вызубрил там, назубок, это Уставы, особенно внутренней и караульной службы. Ну и в обращении с оружием у местных проблем никаких не было, все умели, и стрелять, и чистить свое оружие после стрельбы. Правда, Лута и еще пара его прихлебателей, Чика и Зяма, норовили подсунуть чистку своих автоматов Олегу. Ага, мотивируя это так: «Пусть городской поучиться, не умеет же ничего...»

– Ну чё, городской, готов хавчик? – простуженно просипел у Олега над ухом Лута. – Ага, вижу, ты молоток. А теперь ты иди, води наблюдение, а мы пока пожрем! – заявил он под дружное ржание остальной компании.

Олег посмотрел на сержанта, но тот только молча кивнул ему в сторону моря. Он угрюмо поднялся и побрел к окопу гранатометчиков, оттуда был лучший обзор.

– Да не ссы, оставим мы тебе пожрать, если чё останется! – прокричал ему в спину Лута под смешки остальных.

02 ноября, местное время 10:36. Камчатка. Побережье Авачинского залива, перешеек между бухтами Малая Саранная и Безымянная. Позиции третьего взвода третьей роты второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии

Эти позиции командиром 211-го полка были признаны второстепенными. За небольшой сопкой, на которой, собственно, и вырыл окопы третий взвод, удобного прохода не было. Был лишь узкий низкий перешеек, между берегами озер Большой Виллой и Пресное. Береговой пляж впереди вроде бы был достаточно протяженный, длиннее даже, чем береговой пляж бухты Малая Саранная, не говоря о бухте Безымянной (или бухте Спасения, как ее еще называли). Но за узкой песчаной полоской пляжа сразу начиналась глубокая и широкая протока, соединяющая озера Малый и Большой Виллой на южном участке, и озеро Пресное на северном. Так что американцам, попробуй они высадиться здесь, деваться было вроде некуда. Только лезть в лоб на крутой склон сопки, где засел третий взвод, вдобавок склон этот был признан непродоходимым для техники.

Поэтому было решено, что для обороны этого, протяженного, длиной более пятисот метров участка, хватит одного взвода. Вдобавок на самом пляже накидали мин, большей частью противопехотных. Эти решения, вроде бы тактически грамотные, но не учитывающие некоторые особенности техники и тактики противника, и привели к быстрому прорыву центра обороны второго батальона 211-го полка. Американцы, благодаря известным заранее данным разведки, танков на этот пляж не высаживали.

Первая волна высадки состояла из двух рот плавающих бронетранспортеров, в количестве четырнадцати машин LVTP-5. В восьми из них находились по двадцать пять морских пехотинцев, со своим штатным вооружением, два были штабными, в четырех размещены два минометных отделения, по четыре штуки 60-миллиметровых минометов с расчетами и бое-

комплект, ровно половина минометного взвода батальона плавающих бронетранспортеров. На пляж выбралось сразу шесть БТР. Один, с бульдозерным отвалом, резво поехал к центру пляжа, но сразу же подорвался на противотанковой mine. Мина, рванувшая под левой гусеницей, вынесла у БТР большой кусок гусеницы, сразу вместе с тремя катками, но БТР не загорелся. У него открылись передние двери, величиной в гаражные ворота, и оттуда, сразу залегая в песок, начали выбегать морские пехотинцы. Остальные пять машин вышли из воды, где противотанковых мин не было, только противопехотные, и сейчас они с негромкими хлопками бесполезно рвались под гусеницами БТР.

Олег поудобнее перехватил автомат, пытаясь взять в прицел морских пехотинцев, выскочивших из подбитого БТР, но сзади его за плечо ухватил сержант:

– Ты чё, городской, стрелять команды не было! И вообще, у нас, как это, отсечная позиция. Типа засады. Так что не вздумай палить, сразу нас демаскируешь!

Олег открыл рот, чтобы попытаться возразить, но тут в небо у КП роты взлетела красная ракета, и батальон открыл огонь. Весь, кроме их отделения. Его взвод, вернее два отделения, сидевших на маленькой сопке в середине пляжа, тоже начали стрелять. Автоматы и три пулемета выкосили американцев, по которым хотел стрелять Олег, а потом из окопов на сопке рванулись две дымные спицы, которые уперлись в корму еще одного БТР, ехавшего как раз в сторону отделения Олега. Раздался громкий хлопок, и из развороченной кормы повалил черный дым, а потом БТР и вовсе запылал. Из открывшихся дверей стали выбегать морпехи, некоторые горели и, катаясь по песку, сбивали с себя пламя. Момент для отделения был очень удобный, но оно не стреляло.

– Мы так и будем прятаться? – прямо спросил Олег, глядя в упор на Битора. Олег перевел взгляд на Луту, тоже подползшего к ним.

Сержант отвел глаза, Лута тоже, и Олег вдруг понял, что они просто боятся. Но как можно надеяться отсидеться в окопе, это же война! Американцы не пощадили спящих стариков и детей, потравив их газами, неужели Битор с компанией думают, что они пожалеют их, одетых в советскую военную форму и держащих в руках оружие? Он хотел было все это высказать им в лицо, но тут американцы опомнились. С двенадцати оставшихся БТР хлестнули очереди пулеметов, совершенно затопивших маленькую сопочку фонтанчиками пуль. Из остановившихся на пляже БТР начали выбегать все новые и новые морпехи, сразу начинавшие поливать куцы советские позиции из автоматических винтовок. И вдобавок из одного БТР выскочившие солдаты стали быстро собирать маленькие минометы, прямо у воды, под прикрытием высокого и длинного корпуса БТР. Прошло еще несколько секунд, и первый миномет, подскочив, с хлопком выбросил мину, разорвавшуюся рядом с советским окопами, огонь из которых стремительно стихал. Вся эта картина была как на ладони, как в театре, перед раскрытыми рот бойцами отделения Битора. Но первым опомнился не он, а Лута.

– Битор, надо сваливать отсюда, быстро. Сначала через верх, по лесу, а потом там, под берегом, тропка есть, с пляжа не видно. Пойдем вдоль озера. И потом по ручью наверх, к Седёлке выйдем, а там, в горах затихаримся. Чё та мне такая война не нравится! Да брось эту дуру, лучше оба сидора со жратвой возьми! – прикрикнул он на Зяму, по штату считавшегося гранатометчиком отделения и пытавшегося в этот момент взвалить на себя длинную трубу РПГ-2. Все отделение, услышав речь Луты, уже собралось рядом.

– Парни, да вы что?! Бросить позиции решили? Да нельзя же так! – в отчаянии закричал Олег.

– Пацаны, берем только автоматы и жратву. Тебе нельзя, вот ты и воюй. А нам можно, мы пойдем. А ты, если хочешь, оставайся, как это, прикроешь наш отход. Вот! – неожиданно длинной тирадой разразился Битор.

Олег потрясенно наблюдал, как все шестеро, побросав амуницию, гранатомет и пулемет с боеприпасами, быстро исчезают в густом кустарнике. Потом, встряхнувшись, подхватил гра-

натомет и на четвереньках перебежал в окоп, занимаемый ранее Зямой. На пляже бой уже затих. Первые американцы уже забрались на центральную сопку, не спеша, переходя между разрушенных окопов и достреливая раненых. Техника же, выбравшись на пляж, укатала его полностью. За исключением куска перед позициями взвода, где были установлены противотанковые мины и торчал подбитый БТР с бульдозерным отвалом. Но вот первый БТР, сыто взрыкнув мотором, не спеша подъехал прямо к его позициям. Олег сначала вжался в окоп, но потом понял, что увидеть его американцы могут только с трудом, и то, когда он высунется из окопа для выстрела, а они задерут голову. Окопы отделения были вырыты на крутом склоне, метрах в сорока над урезом воды. А американские БТР, не спеша, съехали с пляжа в воду и снова поплыли, проламывая тонкий лед, на этот раз по протоке, направляясь в озеро Большой Виллюй. Прямо в обход основных позиций батальона, оборонявших бухту Безымянная. Олег вышел из оцепенения лишь только тогда, когда мимо него, в протоке внизу проплывал уже четвертый БТР. Закусив до крови губу, он проверил гранатомет и поднялся из окопа в полный рост, судорожно вспоминая наставление по стрельбе из РПГ-2. Но промахнуться сверху, с расстояния полсотни метров в огромный сарай, длиной девять и шириной три с половиной метра, не смог бы даже и ребенок.

Дымный след гранаты воткнулся прямо в середину БТР, плывшего шестым. Олег сразу же опустился на дно окопа, гадая, заметили его или нет. Снаружи началась беспорядочная стрельба, пока он лихорадочно перезаряжал гранатомет. Глубоко вдохнув несколько раз, Олег снова поднялся из окопа. БТР, по которому он стрелял, повернул обратно, на пляж. Люки у него наверху теперь все были открыты, из них валил сизый дым. Из одного из них, прямо на крышу, два американца вытаскивали третьего, явно находящегося без сознания. Решив, что этот БТР пока выведен из строя, он прицелился в другой, который проплывал ближе всего к нему. На этот раз он прицелился более тщательно, метя в кормовую часть. Короткий хлопок, и опять дымный росчерк гранаты упирается почти туда, куда он и метил, возле моторной решетки двигателя. На этот раз его заметили. Он еле успел нырнуть на дно окопа, как наверху засвистели пули. А потом еще и в душу проник противный холод, после свиста первых мин. Несмотря на это, он упрямо начал заряжать в РПГ-2 третий выстрел. Стрельба вокруг его окопа вроде бы начала стихать, хотя мины рвались вокруг довольно часто. Он, подавляя нервную дрожь, начал снова подниматься в окопе, когда за спиной рвануло. Спину обожгла такая боль, что из вдруг онемевших рук сразу выпал гранатомет. Он свалился в окоп, скрючившись в три погибели, но боль все усиливалась. В голове вдруг зашумело, неровная стенка окопа, по которой он бессильно царапал рукой, вдруг стала нерезкой, а потом и вовсе расплылась перед его взором. И навалилась темнота.

Подбитый вторым выстрелом Олега БТР горел, постепенно сносимый течением вдоль косы, на юг, обратно в море. Морпехи, выбираясь из верхних люков, вытаскивали убитых и раненых.

Битор с Лутой и остальной компанией пережили Олега ненадолго. Они бежали, вернее, брели по тропке, которая проходила по берегам озера Большой Виллюй. Бежать получалось плохо, ноги проламывались через тонкий лед и вязли в зыбучем песке, смешанном с илом. И в этот момент всю группу обнаружил пулеметчик первого LVTP-5, к тому моменту выплывшего из протоки. С расстояния всего двести метров, он скошил их одной длинной очередью.

Обе ноги у Битора, казалось, были в раскаленных клещах. Он поднял голову и огляделся. Рядом лежа на боку, бессмысленно разевал рот Лута, изо рта у него густо лезли красно-розовые пузыри. «Не жилец», – отстраненно подумал Битор. Остальные вообще не шевелились. Потом он, медленно, волоча неподвижные ноги, пополз, с трудом проламывая лед, к берегу. Перед глазами все плыло и путалось, поэтому он не заметил, что ползет прямо в глубокую промоину, образованную весенним паводком у самого подъема на берег. Да и проклятый лед мешал, закрывая все ровной белой коркой. Осознание, что он ползет не туда, пришло слишком поздно.

Под грудью и руками, вместо илистого, но все-таки грунта, неожиданно оказалась затхлая вода, причем довольно глубокая. Битор попытался упереться руками и двинуться назад, несмотря на адскую боль из перебитых ног. Но ил под руками легко проваливался, опоры никакой не было, и он все глубже сползал в промоину. Наконец, лед оказался на уровне запрокинутой назад головы. Битор попытался закричать, но в рот уже хлынула вонючая вода вперемешку с взбаламученным илом. И он, уже захлебываясь, вспомнил отчаянные глаза Олега. «Стоило ли убегать, чтобы так позорно подохнуть?» – остатками угасающего сознания подумал сержант-дезертир.

02 ноября, местное время 10:40. Камчатка. Побережье Авачинского залива, семьсот метров к северо-западу от западного берега озера Большой Вилюй. Позиции 3-й батареи 3-го гаубичного дивизиона 157-го артиллерийского полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии

– Быстрее, быстрее! – торопил батарейцев молоденький лейтенант, в грязном мундире и с одним оторванным погоном. Вопиющее нарушение формы одежды, но сейчас его никто не замечал. Батарея меньше получаса назад, едва открыв огонь по американским высадочным средствам, была тут же атакована американскими штурмовиками. А потом ее позиции были дополнительно обстреляны из корабельных орудий. И в настоящее время во всех штабах, советских и американских, она уже считалась уничтоженной. Кое-где ее тактическую отметку уже успели перечеркнуть на карте или даже стереть ластиком. Но в реальности батарея еще жила, частично, но жила. От нее уцелела одна 122-миллиметровая гаубица М30 из шести и четырнадцать человек личного состава из шестидесяти пяти. Из офицеров уцелел только один командир третьего огневого взвода, который отчаянно подгонял батарейцев. Весь автомобильный парк батареи сейчас полыхал в распадке, позади разрушенных позиций, на которых остались одни трупы и остальные пять раскуроченных орудий. А остатки личного состава батареи сейчас на руках, по редколесью толкали и тянули тяжелую, весом почти в две с половиной тонны гаубицу, чтобы выкатить ее на прямую наводку.

Несколько минут назад передовой корректировщик сообщил о прорыве американцев прямо по воде озера Большой Вилюй в центре позиций второго батальона. С прежнего места гаубица не могла вести огонь прямой наводкой. Все-таки гаубица – это артиллерийская система, ведущая огонь почти всегда с закрытых позиций, ее снаряды летят по навесной траектории, поражая противника через возвышенности, одновременно само орудие остается невидимым для противника. Прямая наводка для гаубицы, это крайний случай, последний шанс. И вот сейчас этот случай наступил. Наконец-то вспотевшие до исподнего белья и вымотавшиеся до смерти артиллеристы выкатили гаубицу на пологий, поросший соснами пригорок, с которого просматривался берег озера. Пока одни солдаты наскоро маскировали орудие нарубленными сосновыми ветками, наводчик стал ловить в прицел один из американских бронетранспортеров, уже выехавших из озера. Американцы увлеченно расстреливали из пулеметов автотранспорт первой и второй мотострелковых рот, стоявший в ложинах неподалеку от берега. Один из БТР повернул направо, заходя в тыл мотострелкам, оборонявшим берег бухты Безымянная. Второй медленно поехал по дороге к ним, в сторону Вилючинска.

– Давай, наводи на этого, который по дороге едет. Черт, ему же сто метров до блиндажа, где медпункт батальона, осталось! Быстрее, пока он не надумал десант высаживать! – прохрипел, запаленно дыша, наводчику лейтенант.

Все остальные номера расчета замерли в напряженном ожидании. Снарядный уже, присев за орудием, держал в руках следующий осколочно-фугасный снаряд, зарядный, также присев за ним, держал гильзу с пороховым картузом. Замковый, справа от казенника, вращал маховик механизма вертикального наведения до совмещения подвижной и неподвижной стрелок

прицела. Заряжающий замер в ожидании выстрела, готовясь как можно быстрее подготовить гаубицу к следующему. Остальные артиллеристы в это время уже были на старой огневой, поднося тяжелые ящики со снарядами и зарядами к новой позиции орудия.

Тем временем из окопа, вырытого возле блиндажа батальонного медпункта, по американским БТР раздались редкие выстрелы из карабинов. Первый БТР остановился, повернув чуть влево, и начал открывать переднюю высадочную аппарель, как раз подставив ее под прямую наводку наводчику. Аппарель успела опуститься лишь до половины, когда в нее, в уже открытую часть влетел 122-миллиметровый осколочно-фугасный снаряд, весом почти в двадцать два килограмма. БТР исчез в багрово-красной вспышке взрыва. Вот он был, а вот в следующую секунду его нет, на месте него огненный шар, от которого в разные стороны отлетают громадные куски бронированной машины. Когда вспышка огня улеглась, на месте БТР было лишь искореженное до неузнаваемости гусеничное шасси с разбросанными далеко в стороны броневыми листами корпуса. И никого из живых людей. Но расчет выразил свою радость от удачного попадания только скупыми фразами похвалы в адрес наводчика. Остальные БТРы уже разворачивались в сторону выдавшего себя выстрелом орудия. Открывались аппарели для выпуска десанта, а первые пули из башенных пулеметов уже начали стучать по щиту орудия. Но следующий снаряд был уже в стволе орудия, зарядный дослал туда картуз, замковый закрыл затвор, еще пара секунд на прицеливание, и вот еще один LVTP5 получает фугасный в бортовой экран, закрывающий гусеничную полку, чуть выше седьмого катка. Снаряд просто проломил экран, пробил борт в моторное отделение и разорвался внутри, развалив двигатель и оторвав четыре ближайших катка.

Скособоченный БТР быстро загорелся, из полуоткрытой аппарели и верхних люков начали выбираться уцелевшие оглушенные морпехи. Немного, всего несколько человек. Осколко-фугасный 122-миллиметровый снаряд – это очень много, даже для такого большого сарая, как LVTP5. Большая часть десанта осталась внутри, контуженная разрывом снаряда и покалеченная кусками двигателя и перегородки моторного отсека.

Лейтенант нетерпеливо оглянулся, у них оставалось всего два снаряда, остальные вот-вот должны были поднести со старой позиции. И оцепенел от увиденного. За шумом боя никто из расчета не обратил внимание на начавшуюся стрельбу позади них. Да и смотрели все вперед, на вражескую бронетехнику. И сейчас лейтенант, оглянувшись назад, увидел, как убивают его батарейцев густо высыпавшие из леса вражеские морские пехотинцы. Мгновением позже они перенесли огонь своих M1 и M14 на расчет, на этот раз не прикрытый никаким щитом. Замковый еще не успел закрыть затвор, как рухнул на казенник, получив очередь в спину. Остальные номера расчета пережили его на считанные секунды. Все было кончено, расчет последнего орудия 3-й батареи 3-го гаубичного дивизиона 157-го артиллерийского полка погиб, успев сделать только два выстрела прямой наводкой. Минутой спустя американское командование высадки получило донесение о соединении вертолетного десанта с морским.

02 ноября, местное время 10:46. Камчатка. Побережье Авачинского залива, полтора километра к западу от бухты Безымянная. Командный пункт второго батальона 211-го мотострелкового полка 22-й дважды Краснознаменной Краснодарско-Харбинской мотострелковой «Чапаевской» дивизии

– Товарищ полковник, без срочной поддержки артиллерией и танками позиций удержат не смогу! Противник высадил у меня в тылу, в районе Вилучинского аэродрома, вертолетный десант, до батальона с минометами и безоткатными орудиями. Они продвинулись до перевала Седёлка на правом фланге и до высот Голгофа и Столовая на левом. Приданная гаубичная батарея уничтожена, последнее орудие погибло пять минут назад. На правом фланге у Ильина танки и бронетранспортеры противника при поддержке огня корабельной артиллерии ворвались уже на линию обороны. В центре противник на плавающих бронетранспортерах

прорвался до западного берега озера Большой Вилуй, соединившись с вертолетным десантом и разрезав батальон надвое. В бухте Безымянной противник высадил тяжелые танки, больше десятка. Гранатометы и безоткатные орудия лобовую броню этих танков не пробивают! Без помощи батальон погибнет через час.

Глава 4

Мясорубка у Трех Братьев⁴

Отрывок из книги английского писателя Дэвида Ирвинга «The War Between the Admirals», советское издание 1976 года

...Что касается морского сражения 2 ноября 1962 года, то можно сказать следующее: эта битва, получившая впоследствии название «Chopper Three Brothers»⁵, явилась сочетанием всех мыслимых и немыслимых ошибок с обеих сторон.

С американской стороны главной ошибкой была недооценка противника, причем, если оценивать действия командования TF-72 и лично адмирала Джеймса Лемюэля Холлоуэя-младшего, это была системная ошибка. Исключением, пожалуй, являлись его энергичные и тактически грамотные действия 1 ноября при отражении налета двух дивизий ракетносцев «Badger»⁶. Если бы не эти действия, на американском плане захвата Камчатского полуострова можно было бы ставить крест к вечеру 01.11.62. Причиной этой ошибки, повторяюсь, системной, явилось бесспорное количественное и качественное превосходство US NAVY, причем оно еще и подчеркивалось явной слабостью советского ВМФ в этой части Тихого океана. Остальные ошибки американских командиров проистекали из главной, подтверждая банальную истину: сторона, которая недооценивает противника, несет неоправданные и ненужные потери. Это, кстати, и косвенно признает сам адмирал Холлоуэй в своих мемуарах «The life of fleet»⁷.

С советской стороны, наоборот, главной причиной ошибок было преувеличенное осознание ущербности своих сил и переоценка сил противника. К сожалению, оба советских адмирала, командовавших советским флотом в этом регионе, погибли и, соответственно, не оставили мемуаров, что затрудняет историкам оценку действий сторон в конфликте⁸. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что над всеми советскими командирами довлела мысль о собственной ущербности перед противостоящей мощью US NAVY, что рождало боязнь и неуверенность в их действиях. Другой ошибкой советских адмиралов была недооценка или вовсе недопонимание современных методов ведения войны и новых возможностей техники⁹. Все это, в сочетании с погодными условиями на этом суровом театре военных действий, и привело к «Chopper Three Brothers» и возникновению такого географического названия, как «The second iron bottom»¹⁰. Сражение, накал и масштаб которого одна из сторон не планировала и не предвидела, а вторая просто и не надеялась на столь значительный результат. Судите сами:

⁴ Три Брата – три характерные скалы, расположенные возле самого входа в Авачинскую бухту.

⁵ «Мясорубка у Трех Братьев», так западные историки называют последний неравный бой Камчатской военной флотилии с американскими и канадскими силами прикрытия десанта. – *Примеч. сов. издат.*

⁶ «Барсук», кодовое наименование НАТО советского дальнего бомбардировщика Ту-16. – *Примеч. сов. издат.*

⁷ «Жизнь, отданная флоту», мемуары американского адмирала Холлоуэя, в которых он пытается оправдать и даже героизировать позицию США, и, в частности, ВМФ США, как мирового жандарма и главного зачинщика Третьей мировой войны. Такие преступные факты, как принятие решения об атаке химическим оружием мирного населения Камчатки, в этих мемуарах просто умалчиваются. – *Примеч. сов. издат.*

⁸ контр-адмирал Дмитрий Клементьевич Ярошевич, командующий Камчатской военной флотилией, погиб 03.11.1962 при варварской ядерной бомбардировке Петропавловска-Камчатского, контр-адмирал Алексей Михайлович Гонтаев, командующий 15-й эскадрой подводных лодок, пал смертью храбрых днем 02.11.1962 на улицах Вилучинска, когда лично возглавил контратаку сводного отряда из состоящего из бойцов учебной роты 14-го батальона морской пехоты, береговых служб 15-й эскадры и пограничников. – *Примеч. сов. издат.*

⁹ весьма спорные утверждения. – *Примеч. сов. издат.*

¹⁰ «Второе железное дно», так в некоторых американских источниках называют сейчас вход в Авачинскую бухту, по аналогии с проливом Железное Дно, как стали называть пролив Саво после морских сражений у острова Гуадалканал в 1942 году. – *Примеч. сов. издат.*

– если бы командование TF-72 просто увеличило наряд воздушных сил в то злополучное утро хотя бы на еще одну дюжину ударных самолетов, эсминцы и, самое главное, ракетные катера русских вообще бы не дошли до горловины Авачинской бухты;

– если бы в конкретно этой части Камчатского полуострова не установилась довольно редкая для этого времени года погода, а именно, слабый, без порывов, ветер, постоянно дующий с востока со скоростью 0,5–1 метр в секунду, то усилия американских фрегатов по постановке дымовой завесы вряд ли были бы столь эффективными;

– и если бы, с другой стороны, советское командование должным образом оценило мощь и размеры зоны постановки радиопомех, осуществляемых самолетами EA-3B US NAVY, то и план действий красных кораблей был бы совершенно иным. В начале ракетные катера расправились бы с американскими эсминцами прикрытия, а потом красные эсминцы прорвались бы сквозь дымовую завесу к десанту.

Но случилось то, что случилось – «Chopper Three Brothers».

02 ноября, местное время 10:05. Камчатка. Бухта Завойко. Корабли Камчатской военной флотилии

На эсминцах «Блестящий», «Возмущенный», «Бесшумный» и «Влиятельный» вся команда переоделась в чистое. Давняя традиция флота, не только русского, выходя на смертный бой, надевать чистую одежду. Эсминцы все прошлые сутки, когда американцы проводили налеты на город и порт, прятались под крутыми берегами бухты Завойко, вдобавок укрытые огромными маскировочными сетями. Но никто из экипажей не питал иллюзий насчет этих укрытий, обнаружение и уничтожение кораблей – вопрос времени. Так произошло с «Вечным» вчера вечером. Сначала эсминец был обнаружен американским разведчиком, летевшим на малой высоте, пользуясь тем, что зенитная артиллерия обороны базы уже была основательно выбита. Поняв, что его обнаружили, эсминец сбросил маскировку и дал ход, стремясь выйти на середину бухты, чтоб иметь какой-то маневр и продержаться до темноты. Но это ему не помогло, восьмерка «Скайрейдеров» на закате утопила его всего за два захода. Зенитчики эсминца смогли сбить всего один самолет. Все это могли наблюдать экипажи остальных эсминцев, но что они могли сделать? Только сжимать кулаки в бессильном гневе.

И вот сейчас они выходят из бухты, на верную смерть. Никто из командиров эсминцев не сомневался, что американцы им не дадут дотянуться артиллерией, а тем более торпедами, до десантных кораблей. Они выходили в бой с одной надеждой: дать возможность, пока американцы будут их убивать, выйти на расстояние удара трем ракетным катерам проекта 205. В прошлом бою эти катера утопили целых пять кораблей противника. Сейчас ситуация другая, американцы их ждут, светлое время суток, но и цели значительно ближе! Может, хоть кто-то сумеет дотянуться до десантного ордера.

Эсминцы были обнаружены еще до того, как покинули бухту. Едва «Блестящий», шедший головным, поравнялся с островом Завойко, одинокой скалой, торчащей в трех милях от выхода из Авачинской бухты, как на кильватерный строй советских кораблей спикировала десятка «Скайхоков». Американцы почти сутки постоянно держали группу ударных самолетов, как раз опасаясь выхода советских кораблей для удара по десанту. А впереди, в семи милях к востоку, уже маячили силуэты американских «Гирингов».

02 ноября, местное время 10:14. Камчатка. Северная сторона Авачинской губы. Батарея № 501

В КП батареи, расположенной в потерне, глубоко внизу, между спаренными башенными орудийными установками, раздался телефонный звонок. Трубку снял связист, но сразу отдал ее командиру.

– Да, товарищ адмирал, батарея исправна и готова к бою. Почему не стреляем?

– Товарищ адмирал, противник ставит очень мощные помехи. РЛС не может захватить ни одного десантного корабля.

– Товарищ адмирал, визуально район высадки наблюдать не могу, противник поставил дымовую завесу. Помочь своим? Товарищ адмирал, вы же сами запретили открывать огонь по любым целям, кроме десантных средств.

– Есть, немедленно открыть огонь!

02 ноября, местное время 10:15. Камчатка. Бухта Завойко. Корабли Камчатской военной флотилии

Еще десять минут назад эсминцы КВФ со стороны представляли, наверное, красивое зрелище. Четыре корабля, с развевающимися флагами, ощерившиеся дулами орудий, идущие полным ходом к выходу из бухты, с такой скоростью, что белопенные буруны поднимались от форштевня вровень с палубой. Сейчас все изменилось. «Блестящий» горел от носа до кормы, выкатившись вправо. «Возмущенный», получив четыре 500-фунтовые бомбы в носовую часть, медленно дрейфовал, постепенно погружаясь. Волны уже перекатывались на палубе возле носовой установки главного калибра. «Бесшумный» и «Влиятельный» вроде выскочили из горловины Авачинской бухты, миновав Три Брата, но «Бесшумный» сразу же получил ракету в корму, заклинившую рулевое управление, и свалился в циркуляцию. А «Влиятельный», оставшись один, попал под сосредоточенный огонь сразу трех эсминцев типа «Гиринг». У него было бы немного шансов при встрече с таким мощным кораблем, как «Гиринг», один на один, а уж против трех он выстоять не мог в принципе. И сейчас, избиваемый восемнадцатью стволами калибра пять дюймов, он стремительно утрачивал боеспособность.

02 ноября, местное время 10:14. Камчатка. Авачинский залив, три мили к востоку от входа в Авачинскую бухту. Эсминец USS DD 807 «Benner», типа «Гиринг», флагман отряда

Командир эсминца, стоя на мостике, довольно улыбался. Все шло, как и предполагалось. Русские корабли предсказуемо выползли из своих нор, чтобы попробовать прорваться к десанту. И сразу были атакованы группой штурмовиков, как раз для этого случая вот уже почти сутки дежуривших поблизости. Штурмовики отработали по эсминцам на совесть, фактически приведя в небоеспособное состояние два из четырех кораблей. Сами они потеряли всего один самолет от зенитного огня, да еще один был сбит выскочившим непонятно откуда наглым МиГом. Четыре эсминца, наверное, все, что оставалось у Советов в этих водах, но до его соединения добрался всего один. Второй тоже вышел из бухты, но в последний момент получил ракету в корму и сейчас беспомощно крутился, как щенок за своим хвостом. Его можно будет добить и позже, а сейчас его корабли, «Benner», «Duncan» и «Leary», все класса «Гиринг», с азартом расстреливали одинокий прорвавшийся эсминец красных, сделав ему классический кроссинг-Т.

Корабль красных, определенный как проект 56, «Kotlin»-класс, поначалу огрызался, но всем было ясно, что время его жизни исчислялось минутами. Четыре ствола калибра 130 мм, со скорострельностью всего семь выстрелов в минуту, против восемнадцати калибром 127 мм, с паспортной скорострельностью пятнадцать выстрелов в минуту, а его опытные расчеты выдавали все двадцать! Прибавьте к этому гораздо более совершенную систему управления огнем, нет, положение русских безнадежно. Улыбка сползла с лица командира «Беннера», когда прямо по курсу встал высоченный столб от падения снаряда. Явно не калибром 130 мм. Черт, это означало только одно, у русских здесь есть еще одна башенная батарея крупнокалиберных орудий, и они идут курсом прямо на нее! Командир отреагировал мгновенно:

– Разворот все вдруг, курс 170. Увеличить скорость. После циркуляции кормовой башне перенести огонь на эту чертову батарею. Удалось засечь, где она стоит?

– Да, сэр, всего в четырех милях от нас, на северной стороне у входа в бухту, почти на мысу.

– Свяжитесь с командованием, срочно. Если это такие же башенные установки, как и те, что утопили сегодня ночью «Маккейн», то мы со своими пятидюймовками ничего им не сделаем. Нужны самолеты, причем много.

– Сэр, с «Форрестола» передают, свободных групп нет, удар будет возможен только через двадцать минут. Это будет шестерка «Скайрейдеров», с 500-фунтовыми фугасками. Сейчас на авианосцах готовят специальную группу, с бронебойными управляемыми ракетами, кумулятивными бомбами и напалмом, но она будет только через сорок пять минут. Все самолеты заняты, наносят удары по советским войскам и береговым батареям в зоне высадки. Еще сэр, с «Лири» передают, что обнаружена еще одна береговая батарея, меньшего калибра! Пока в «Лири» попаданий нет, только накрытия. Сэр, вы посмотрите, что творят эти русские!

Эсминец «Влиятельный», несмотря на всю похавшую на нем пожары, шел им на пересечку курса. На нем стреляло всего два орудия, но он шел им наперерез, будто собираясь в свою очередь сделать им кроссинг! К нему в кильватер уже намеревался пристроиться второй русский. На нем, по-видимому, смогли положить руль прямо. Судя по рысканию по курсу, эсминец класса «Skog» (на самом деле это был «Бесшумный», проект 31К) управлялся машинами, но он все время ускорялся, пытаясь догнать «Влиятельный».

В это время в «Беннер», уже шедший полным ходом на юг, попало сразу два снаряда. Корабль содрогнулся от килы до клотика.

02 ноября, местное время 10:15. Камчатка. Северная часть побережья Авачинского залива, два километра к югу от озера Мелкое, один километр к западу от острова Топорков. Запасные позиции 559-й артиллерийской береговой батареи

559-я береговая батарея входила в состав 294-й береговой бригады и по своему составу была такой же, как 41-я батарея. Успеть перебросить ее в южную часть Авачинского залива, где начиналась высадка десанта, было нереально. Но по дальности ее пушки вполне доставали до бухты Безымянная и с подготовленных позиций в северной части Авачинской губы. Проблема была в том, что американцы еще до высадки начали ставить дымовую завесу, сразу с двух фрегатов. Так что визуально десантные корабли в бухте Безымянной оказались невидимы. А РЛС-наведение было тоже невозможно, противник ставил очень сильные помехи. Перед фрегатами же севернее, напротив входа в Авачинскую бухту, маневрировали сразу три эсминца типа «Гиринг». Открывать огонь по дымзавесчикам, игнорируя «Гиринги», которые ходят всего в четырех милях от батареи? Проще взять лопаты и начать копать себе могилы, ведь результат будет примерно одинаков. Ввязываться в перестрелку с «Гирингами», имея четыре ствола против восемнадцати? Результат будет ненамного лучше, тем более есть прямой приказ командующего: открывать огонь только по десанту. Если фрегаты, осуществляющие постановку дымзавесы, можно было хоть как-то пристегнуть к десанту, то «Гиринги», увы, нет. Была надежда на свои эсминцы, что они, выйдя из бухты Завойко, свяжут боем американцев. Но она развеялась как дым: эсминцы КВФ сразу же были атакованы с воздуха, и до американцев дошел только один. Результат предстоящего боя был совершенно ясен, и командир 55-й батареи уже готовился, нарушив приказ, открыть огонь по головному американцу, чтобы хоть как-то облегчить участь одинокого эсминца «Влиятельный», но у борта головного американца встал высоченный столб воды. Да, подумал командир 559-й, отрывая взор от бинокля, калибр 180 миллиметров ни с чем не спутаешь. 501-я батарея вступила в игру. Чуть позже буквально в кабельтове за кормой у концевой эсминца встал еще один столб, на этот раз «привычных» размеров. Значит, по американцам отрыл огонь весь 180-й отдельный артиллерийский дивизион, это 501-я и 425-я батареи. Четыре ствола 180 миллиметров и четыре ствола 130 миллиметров, размещенные

в башнях и бетонных полукапонирах. Это уже твердый орешек, даже для трех эсминцев типа «Гиринг». Да и «Влиятельный» со счетов еще рано сбрасывать. Командир принял решение:

– Дальномерный пост, подготовиться к стрельбе по головному фрегату, ставящему дым-завесу!

02 ноября, местное время 10:16. Камчатка. Побережье Авачинского залива. Северный берег озера Светлое, шесть километров к востоку от поселка Радыгино. Машина РЛС-сопровождения «Бурун» и центральный пост с РЛС наведения С-1М 1-го и 2-го дивизионов 21-го берегового ракетного полка

Оператор РЛС «Бурун» взволнованным голосом доложил:

– От станции «Мыс» получаю координаты более десяти целей. Три в четырех километрах к востоку от выхода из Авачинской бухты, по характеру засветки предположительно класса «эсминец» или «легкий крейсер». Цели маневрируют с большой скоростью вдоль берега, в данный момент смещаются на север. Дальность 31, азимут 205. Две цели, одна класса «фрегат», другая очень крупная, предположительно авианосец или десантный вертолетоносец, идут на юг, скорость 22, дальность 62, азимут 187. Две цели класса «фрегат» маневрируют с малой скоростью к северу от акватории бухты Безымянная, дальность 35, азимут 208. И наконец, группа целей, от пяти до десяти, четыре крупные, у побережья бухт Малая Саранная и Безымянная. Точное расстояние и азимут определить не могу, захват все время срывается. Противник ставит активные помехи.

Командир 21-го полка, присутствующий в центральном посту машины управления, спросил:

– 1 и 2-й дивизионы, время готовности к пуску?

– 1-й дивизион, буду готов к пуску через двадцать семь минут. ТЗМ будут на позиции через десять минут.

– 2-й дивизион, буду готов через сорок минут. Пусковые только что проехали Радыгино.

Комполка задумался. Если стрелять только 1-му дивизиону, через десять минут здесь в небе будет не протолкнуться от американских самолетов. А стрелять только двумя ракетами, мало шансов на успех. Сегодня ночью четвертый дивизион смог уничтожить два корабля залпом из двух ракет, но это были идеальные условия. Корабли противника были повреждены и стояли без хода. И стрельба велась на расстоянии всего сорок километров. А сейчас ситуация совершенно иная, противник ждет ракетного удара. А если учитывать, что на учениях в предыдущие годы процент попаданий не дотягивал и до шестидесяти, надо ждать прибытия второго дивизиона. Подполковник выругался про себя, вспоминая недобрым словом разведку флота и вообще все командование. Слишком поздно в 21-й полк поступила информация о высадке десанта. Вся техника полка стояла в капонирах возле поселка Англичанка, вроде бы готовая выдвинуться в заданные районы, но и громоздкие кабины с РЛС, и пусковые установки буксировались гусеничными тягачами АТ-С, и максимально разрешенная скорость была всего двадцать пять километров в час. И это сильно увеличивало время реакции. Он заранее направил два дивизиона на южную часть побережья Авачинского залива. Один из них даже развернут в непосредственной близости от района высадки. Но северную часть побережья тоже надо было прикрыть! Если бы янки высаживались здесь, то его пусковым достаточно было всего лишь выехать из капониров, для поражения целей. А так ему придется рисковать. Он принял решение.

– Работу всех РЛС прекратить до развертывания пусковых второго дивизиона. Принять все меры к маскировке позиций. Приданной зенитной батарее по пролетающим самолетам огня не открывать, разрешаю огонь только в случае атаки позиций дивизионов.

02 ноября, местное время 10:18. Камчатка. Северная сторона Авачинской губы. Батарея № 501

После первого выстрела противник развернулся «все вдруг», уходя от батареи. Второй пристрелочный лег за кормой у головного, ставшего замыкающим. Уже с третьего выстрела удалось накрыть головной эсминец. Первый залп попаданий не принес, а вот вторым залпом в цель попало сразу два снаряда. Первый лег возле второй дымовой трубы, второй разорвался рядом с кормовой башней главного калибра. Следующий залп лег перед носом эсминца, он ощутимо сбавил ход. Зато четвертый опять принес одно попадание и два близких накрытия. Попадание пришлось в середину корабля, накрытия возле кормы. Снаряд, весом примерно в центнер, пробил обшивку между дымовыми трубами, свалил высокую решетчатую треногу, на которой размещалась РЛС обнаружения. «Беннер», как и «Лири», входил в число эсминцев, модернизированных после Второй мировой войны в корабли радиолокационного дозора. Их адмирал Холлоуэй просто выдернул с мест патрулирования в прикрытие десантного ордера, как ближайшие эсминцы. А в свою очередь, половина прежнего прикрытия ордера ушла в ордер TF-72, понесший накануне серьезные потери. Тем временем 180-миллиметровые орудия батареи, размещенные в спаренных башнях, расстреливали американский эсминец, как на полигоне. Заметив, что эсминец сбавил ход, батарея перешла на беглый огонь. Дальность стрельбы 180-миллиметровых орудий превышала тридцать восемь километров, а на дистанции в четыре раза меньше, днем, да еще по малоподвижной цели, попадания шли одно за другим, «Беннер» уже горел от носа до кормы, на которую вдобавок стал заметно садиться. Пушки эсминца уже не стреляли, кормовая башня была уничтожена прямым попаданием, в носовых расчетах затопили погреба из-за опасности возгорания снарядов.

Командир батареи № 501, напряженно наблюдавший за боем, повернулся к трубке переговорного устройства.

– Башням, начать пристрелку по второму мателоту!

– Товарищ командир, мы же вот-вот его утопим! – взмолился начальник расчета первой башни.

– А в это время второй утопит «Влиятельного». Переносите огонь немедленно, это приказ! Никуда подранок не денется, он же еле ползет. Потом добьем.

В это время два остальных эсминца типа «Гиринг», DD 874 «Duncan» и DD 879 «Leary», вступили в перестрелку сразу с тремя противниками. Эсминец проекта 56 «Влиятельный», эсминец проекта 31К «Бесшумный» и береговая батарея № 425, это четыре 130-миллиметровых Б-13-ПС, еще довоенного выпуска, со щитовым прикрытием, но в бетонных полукапонирах. Два эсминца типа «Гиринг» могли легко справиться с любым из них, но не сразу с тремя. «Лири», шедший первым, перенес огонь всех трех башен на батарею. Она казалась самым серьезным противником, кроме того, никак не удавалось засечь положение всех орудий, среди многочисленных вспышек ложных целей. «Дункан», шедший вторым, разделил свой огонь. Первая носовая башня перестреливалась с «Влиятельным», слабо отвечавшим из двух орудий, но, тем не менее, упорно резавшим курс американским кораблям. Остальные две обстреливали «Бесшумный», который стрелял в ответ гораздо интенсивнее, чем «Влиятельный», из двух спаренных башенных установок калибра 130 мм. Установившееся, казалось бы, хрупкое равновесие, было нарушено высоким столбом воды, вставшим в полукабельтове по левой раковине «Дункана».

02 ноября, местное время 10:18. Камчатка. Северная часть побережья Авачинского залива, два километра к югу от озера Мелкое, один километр к западу от острова Топорков. Запасные позиции 559-й артиллерийской береговой батареи

Командир 559-й батареи старался не отвлекаться на развернувшееся перед ним морское сражение. Его батарея никак не могла пристреляться по фрегату, ставившему дымовую завесу.

Отчасти это происходило потому, что РЛС управления стрельбой была напрочь забита помехами, а оптические дальномеры тоже плохо работали, из-за этого самого сражения. Горели уже четыре корабля, два советских и два американских, и дым часто закрывал видимость по фрегату, расположенному гораздо дальше. Но наконец-то командир дальномерного поста сообщил о накрытии. И батарея дала первый залп. Близко, но попаданий все еще нет, все снаряды легли за кормой. Фрегат увеличил скорость. Теоретически через несколько минут в дымзавесе из-за этого должны появиться разрывы, но станет ли видно в них десантные корабли? Командир 559-й выбрал синицу в руках, еще один пристрелочный лег прямо перед носом фрегата, и он командовал дать пять залпов беглым огнем. Артустановки СМ-4-1Б, стоявшие на вооружении батареи, были оснащены полуавтоматическими клиновыми затворами, что позволяло достичь скорострельности двенадцать выстрелов в минуту при беглом огне. Уже второй залп принес одно попадание, третий лег близкими накрытиями, а четвертый и пятый привели к тому, что фрегат DE 798 «Varian», типа «Бакли», получил еще три снаряда. И это не считая близких разрывов в воде, которые командир дальномерного поста принимал за промахи. Но на самом деле, эти разрывы гидравлическими ударами порвали обшивку в районе первого, третьего и пятого отсеков, что привело к значительному поступлению воды.

Все бы ничего, с затоплениями американские моряки умели бороться, но четыре попадания снарядами весом в тридцать три килограмма каждый привели к более серьезным последствиям. Фрегат лишился дымовой трубы, еще два снаряда попали в корму. Но самым серьезным было попадание под носовую трехдвоймовку, с детонацией нескольких 76-миллиметровых снарядов. Взрыва всего снарядного погреба удалось избежать, но пробоина и без того получилась на загляденье, почти полтора метра диаметром, да к тому же частично подводная. Все это привело к тому, что заслуженный ветеран-фрегат «Varian», названный в честь летчика, героически погибшего в 1942 году, и утопивший в прошлую войну две немецкие подводные лодки, уже набрал в носовую часть более трехсот тонн воды и сам был готов отправиться на дно.

Командир 559-й батареи, рассмотрев в бинокль, что фрегат, по которому они вели огонь, сильно садится носом, ползет с черепашьей скоростью и ни о каких действиях не помышляет, посмотрел на часы и командовал перенос огня на другой постановщик дымовой завесы. На часах было 10:29. А тем временем на поле боя появились другие действующие лица.

02 ноября, местное время 10:28. Камчатка. Авачинский залив, вход в Авачинскую бухту. Группа ракетных и торпедных катеров Камчатской военной флотилии

Кап-три Балабанов, тоже переодевшийся во все чистое, потрясенно рассматривал открывшуюся перед ним картину сражения, когда катера выскочили из горловины Авачинской бухты. Вообще-то план сражения, с которым их ознакомили в штабе флотилии, был такой. Эсминцы КВФ первыми выходят из бухты и связывают боем охранение десанта. Торпедные катера, как всегда, атакуют первыми или десант, или корабли охранения, а три оставшихся ракетных катера наносят удар по транспортам.

«Гладко было на бумаге», – пробормотал он про себя начало известной русской поговорки. В реальности все пошло наперекосяк. Сначала отряд советских эсминцев был атакован с воздуха, и капитан в который раз убедился, что ПВО эсминцев, что проекта 30бис, что проекта 31К, что проекта 56, совершенно никуда не годится. Самолеты с потрясающей легкостью вывели из строя сразу два корабля, «Блестящий» и «Возмущенный». Когда катера проходили мимо них, «Возмущенный» уже затонул, а горящий «Блестящий» выбросился на берег, южнее острова Бабушкин Камень. Балабанов только скрипнул зубами и отвернулся при виде людей, еще державшихся на воде после гибели эсминца. И передал по всем катерам отряда: «Скорость не снижать и с курса не отворачивать». На молчаливые укоризненные взгляды команды он никак не отреагировал, в любую минуту могли появиться самолеты противника, и тогда они

сами погибнут, вдобавок без толку. И вот катера поравнялись с Тремя Братьями, выходя на простор Авачинского залива.

Открывшаяся перед ним картина морского боя привела его в замешательство. Прямо перед ними, в четырех милях стоял горящий эсминец типа «Гириг». Несмотря на то, что он был сильно избит, имел значительный дифферент на корму, тонуть он не собирался. Судя по всему, артиллерия его была тоже не боеспособна, иначе он бы уже открыл огонь по таким опасным целям, как торпедные катера. Немного восточнее вяло перестреливались четыре корабля, два «Гирига» и «Влиятельный» с «Бесшумным». Они потихоньку ползли на юго-восток, причем наши эсминцы шли курсом на сближение с американцами. Американцев, судя по всплескам, вдобавок обстреливали как минимум две береговые батареи, причем одна из них № 501, высокие столбы от крупнокалиберных снарядов ясно давали это понять. Все четыре корабля горели, но ход не теряли и тонуть пока не собирались. Вся южная часть залива, почти от мыса Ставицкого и миль на пять к востоку, была затянута дымовой завесой. Перед ней, под берегом, стоял один фрегат типа «Бакли», тоже горящий, вдобавок с сильным дифферентом на корму. Еще один фрегат упорно шел на восток, ставя еще один слой дымовой завесы. Его кто-то обстреливал, явно с берега, но он упрямо продолжал свое дело. Причину такого упорства капитан Балабанов понял сразу, как только получил доклад от оператора стрельбовой РЛС.

Вся акватория к югу от дымовой завесы была накрыта помехами, настолько сильными, что обеспечить надежный захват целей было нереально. Из раздумий капитана вывели несколько разрывов снарядов, вставших неподалеку от катеров отряда. Кто стрелял по ним, стало сразу ясно. Американские эсминцы были заняты, и сильно, а вот на борту фрегатов, как стоящего, так и идущего на восток, снова пробежали цепочки выстрелов.

«Ну, правильно, до них всего ничего, могут даже со своими трехдюймовками попробовать нас достать. Но надо что-то делать!» И Балабанов решил.

– Ракетным катерам, курс двадцать, полный ход!

Капитан решил разорвать дистанцию с американскими кораблями. Максимальная дальность ракет П-15 превышает дальность самого мощного орудия. А вот минимальная дальность сейчас не позволяла открыть огонь ни по эсминцам, ни по фрегатам.

– Торпедным катерам, добить эсминец без хода, затем атаковать остальные американские эсминцы!

02 ноября, местное время 10:29. Тихий океан, восемьдесят миль к юго-западу от острова Беринга. Ситуационный центр авианосца «Форрестол»

– Вы понимаете, что все ваши планы и расчеты годятся только на то, чтобы ими подтереться в сортире? – устало спросил адмирал Холлоуэй начальника штаба «Таффи-72». Говорил он вроде бы спокойно и вежливо, но от этого все присутствующие в центре еще больше напряглись. – Как получилось, что в самый решающий момент у нас нет ни одной ударной группы в зоне ожидания?

– По данным G-2, у Советов больше не было береговых батарей! А тут их появилось сразу три! – пытался оправдаться начальник штаба, отвечавший за планирование вылетов.

– G-2 missed the boat!¹¹ – буквально прорычал адмирал. И вы прекрасно знаете, что это не в первый раз! У русских есть замечательная поговорка: «наступить на одни и те же грабли». Так вот, эти грабли, похоже, ударили вас так сильно, что с погон может слететь пара звездочек!

– Адмирал, но надо что-то делать? – прервал затянувшееся молчание кэптэн Лоуренс Гейтс. – Я связался с командованием Корпуса, у них на подлете целых две группы, восемнадцать «Крусейдеров», все в ударной конфигурации, часть с пятисотфунтовыми фугасками,

¹¹ Расхожая поговорка среди офицеров US NAVY, начиная с 1941 года. Авторство приписывают адмиралу Честеру Нимитцу. Буквально означает: разведывательный отдел (G-2) упустил лодку. Говоря попросту, облажался.

часть с 70-миллиметровыми НУРС Mighty mouse. И они готовы перенацелить самолеты, ждут только вашей радиогаммы. Ведь мы же только что наносили удары в интересах десанта?

Адмирал размышлял недолго. С одной стороны, его постоянные обращения к Корпусу уже стали предметом насмешек среди остального высшего командования флота. С другой – а какая альтернатива? Только потеря кораблей и, вероятно, срыв высадки десанта. А этого ему уже точно не простят. И, вообще-то, в отличие от других насмешников, дела у него худо-бедно, но все-таки идут успешно. И он принял решение.

– Хорошо, тогда сделаем так. Одну группу разделить на две, пусть часть наносит удар по русским эсминцам, часть, та, что с НУРСами, – по катерам красных. Вторая группа пусть атакует ближнюю батарею среднего калибра. Для атаки башенной батареи крупного калибра все равно пятисотфунтовые бомбы не подходят. И ускорьте подготовку нашей группы, с бронбойными бомбами и напалмом!

– Первые самолеты уже стартовали! – ответил кэптэн Гейтс.

– По Корпусу, составьте бланк радиогаммы, я подпишу.

Адмирал Холлоуэй, сам того не зная, отложил смертный приговор старшему лейтенанту Ильину и всей первой роте второго батальона 211-го мотострелкового полка. Девятка «Крусейдеров», готовая обрушиться на позиции роты при первых ее выстрелах, была перенаправлена на другую цель, и рота получила хоть мизерный, но шанс в противостоянии с батальоном морской пехоты США.

02 ноября, местное время 10:34. Камчатка. Северная часть побережья Авачинского залива, два километра к югу от озера Мелкое, один километр к западу от острова Топорков. Запасные позиции 559-й артиллерийской береговой батареи

Наконец над полем морского сражения, развернувшегося на выходе из Авачинской бухты, появились первые американские самолеты. Это была шестерка штурмовиков «Скайрейдер» с «Йорктауна». Неизбежная неразбериха, возникшая у американского командования, да еще с разными видами вооруженных сил, дала свои плоды. По уму, американцам надо было атаковать ракетные катера капитана третьего ранга Балабанова как потенциально самых опасных противников. Но при полете «Скайрейдеры», вообще-то первоначально нацеленные на удары по дороге Николаевка – Вилучинск, сначала были перенаправлены на бомбежку русских позиций в районе бухты Малая Саранная, а потом, еще раз – на удар по обнаружившей себя береговой батарее номер 559. Эта чехарда разозлила храбрых пилотов US NAVY до предела. А катера американцы обнаружили еще позже, когда ведущий группы, уточнив местонахождение, уже заходил на боевой курс. И на заполошные призывы из ситуационного центра «Форрестала» ведущий бросил в эфир только одно слово: «поздно». И у ракетных катеров капитана Балабанова появился шанс. А к 559-й батарее, наоборот, пришла смерть. Позиции батареи прикрывал всего один пулеметный взвод, два крупнокалиберных ДШК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.